

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЖАРЫ 1862 г.

И ДОСТОЕВСКИЙ

(Запрещенные цензурой статьи журнала «Время»)

Статья и публикация Н. Г. Розенблюма

После петербургских пожаров 1862 г. прошло более ста лет, а тайна этих событий до сих пор не раскрыта.

Массовый характер пожаров тогда же вызвал у городского населения подозрения в поджогах. Скоро эти подозрения превратились в уверенность.

Были ли поджоги единичными или они носили организованный характер, и если были организованы, то кем?

Пожары еще продолжались, Петербург еще был окутан дымом, а правая пресса, инспирируемая правительством, и примкнувшая к ней значительная часть умеренно-либеральных журналистов уже кричали, что пожары организованы, и винили в них «лондонских пропагандистов», студентов, поляков и др., т. е. оппозиционеров. В противовес им прогрессивные публицисты после закрытия «Современника» и «Русского слова», не имея возможности высказаться с полной откровенностью, писали о пожарах как об обычных, частых в России «эпидемических пожарах» или, не касаясь вовсе причины, пытались лишь опровергнуть нелепые измышления правой печати. Третья версия — о возможной провокационной роли правительства, которое само организовало пожары, чтобы обвинить в них левые круги и, возбудив тем самым против них ярость масс, пресечь нарастание революционной волны — эта версия, естественно, не могла быть высказана в то время в легальной русской печати. Это сделал несколько позднее Герцен в 149-м листе «Колокола». Он писал: «Три раза спрашивали мы, чем кончилось знаменитое следствие о зажигательствах, по которому сидели сотни человек в крепости и в частных домах. Ответа не было, а потому мы сами теперь отвечаем: все это был полицейский обман, который должен был испугать императора сверху и слабых внизу. Зажигателей вне полиции не нашли — а в полиции не искали... Не попробовать ли??»¹

Тогда же эту мысль высказал П. А. Шипов в неоконченном и попавшем в руки полиции письме к И. И. Кельсеву, в котором он сообщал: «... если надо обвинить кого-нибудь, кроме мошенников, то правительству гораздо более дела до пожаров, нежели студентам, до которых никаким образом они не касаются»².

Позднее П. А. Кропоткин, рассказывая о внезапной смерти в дороге сенатора Жданова и исчезновении его портфеля, в котором тот вез доказательства того, что симбирские пожары 1865 г. были делом реакционных кругов, дал понять, что пожары какими-то нитями были связаны с правительством³.

В России эта версия могла быть высказана в печати лишь в советское время. Первым был М. К. Лемке⁴, позднее осторожно высказал предположение о возможности провокации Б. П. Козьмин в статье «Причина пожаров»⁵. Эту тему широко осветил в двух работах «Петербургские пожары 1862 года»⁶ и «Артур Бенни»⁷ С. А. Рейсер, пришедший к выводу: считать обвинение доказанным данных нет, но правительство следует оставить «в сильном подозрении».

Версию о виновности правительства вряд ли удастся когда-нибудь доказать с документами в руках, поскольку организаторы провокации, если таковая была, не решились бы предать ее тайну бумаге ни в официальных документах, ни в личной переписке, ни даже в воспоминаниях. О таких вещах обычно не пишут, их обсуждают с глазу на глаз. И все же за эту версию говорит многое: 1) правительству, несмотря на все принятые меры, не удалось предъявить обвинения в поджигательстве ни одному представи-

Запрещено
1 июня 1862

Время.

И. И. Писемский.

ПОЖАРЫ

Вниманіе цѣлаго Петербурга занято теперь пожарами. Съ половины мая пожары стали особенно учащаться; въ нѣкоторые дни ихъ было по два, по три, а 23 мая было шесть. Наконецъ пожаръ 28 мая въ духовъ день поднялъ на ноги цѣлый Петербургъ. Въ этотъ день сгорѣло: толкучій рынокъ, щукинъ дворъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, лѣсные дворы на правой сторонѣ Фонтанки, щербаконъ и чернышовъ переулки. Задуматься есть надъ чѣмъ. Главная бѣда майскихъ пожаровъ въ томъ, что всѣ страшные результаты ихъ обрушились на голову преимущественно недостаточныхъ нашихъ классовъ, нашего бѣднаго народа. На Охтѣ и въ Ямской — живутъ главнымъ образомъ бѣдняки, которые не могутъ приобрести себѣ дорогихъ помѣщеній въ центральныхъ частяхъ города. Толкучій рынокъ — была преимущественно народнымъ рынкомъ. Тамъ охѣвался, ѣлъ и пилъ простой мужикъ, потому, что въ гостиницѣ дворъ на семь копѣекъ не найдешь себѣ обѣда, и за какихъ-нибудь пять рублей не купишь себѣ одежды. Тысячи рабочихъ и торговыхъ людей съ пожаромъ толкучаго рынка и щукина двора — потеряли насущный кусокъ хлѣба

КОРРЕКТУРА ЗАПРЕЩЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ РЕДАКЦИОННОЙ СТАТЬИ «ПОЖАРЫ»,
ПРЕДНАЗНАЧАВШЕЙСЯ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ», ИЮНЬ 1862 г.

Сверху надписъ Александра II: «Кем написана?»

Лист 1

Центральный государственный исторический архив, Ленинград

телю левых кругов, и это в то время, когда допросы шли, как известно, «с пристрастием»⁸ и были использованы лжесвидетели, в большинстве своем — агенты полиции⁹. Один из членов следственной комиссии предлагал даже восстановить пытки¹⁰; 2) правительство запрещало все статьи, авторы которых пытались отрицать виновность левых; отказывалось в какой-либо форме реабилитировать студенчество от возведенной на него клеветы, в то время как полиция сама распространяла эту клевету; официозная и правая пресса, инспирируемая правительством, делала то же дело. Изданные в 1862 г. В. Бером в Берлине очерки «Нынешнее состояние России и заграничные русские деятели» и Юрием Голицыным в Веве листок «Adresse de la nation russe aux Russes ex-patriés, ennemies de leur pays»*, несомненно инспирированные III Отделением, вину за поджоги возлагали на Герцена¹¹. Все это, естественно, свидетельствует против правительства, но имеются два обстоятельства, заставляющие думать о его виновности: то критическое положение, в котором очутилось правительство к моменту пожаров и которое могло заставить его пойти на риск, и выгода, извлеченная правительством из этого риска.

Начальник III Отделения князь В. А. Долгоруков почти накануне пожаров, во всеподданнейшем докладе от 27 апреля, подчеркивал, что наибольшее затруднение он видит в «шаткости <...> общественного положения» правительства¹². Пожары в корне изменили это положение. После них большинство резко повернуло вправо, и этим, по отчету Долгорукова за 1862 г., облегчило правительству задачу «рассеять скопившуюся над русской землей революционную тучу, которая грозила разрешиться при первом удобном случае»¹³.

Неверно, конечно, мнение Кропоткина, что пожары были «поворотным пунктом не только в политике Александра II, но и в истории России того периода»¹⁴. Они действительно вызвали необычайный по резкости и скорости поворот, но только общества, а не правительства, уже ранее перешедшего к реакции. Возможности усилить ее и раздавить революционное движение способствовало изменившееся общественное мнение. Аресты и преследования многими оправдывались ссылкой на пожары. Кропоткин свидетельствовал, что после пожаров «толковать о реформах стало неприлично. Атмосфера была насыщена духом реакции»¹⁵.

Официозная и правая пресса, учитывая желание правительства замаять вопрос, постепенно прекратила нападки и даже делала попытки частично реабилитировать клеветнически обвиненное ими ранее студенчество¹⁶.

Наконец замолкли все, и продолжалась лишь борьба между Катковым и Герценом¹⁷. Герцен не переставал обвинять правительство: «Отчего оно не объявляет имена тех политических фанатиков, социалистов, коммунистов, которые жгли С.-Петербург?» («Колокол», л. 141)¹⁸; «Что же оно не обнаружит адские ковы сатанинских участников?» («Колокол», л. 146)¹⁹. Наконец, 1 ноября, в л. 149 «Колокола» Герцен потребовал ответа на то, чем кончилось «знаменитое следствие о зажигательствах»²⁰. Правительство молчало. Об этом времени Л. Ф. Пантелеев писал, что «малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону»²¹.

Крымская кампания, обнаружившая всю гниль николаевского режима, дала сильный толчок росту оппозиционных настроений, притом и в таких кругах, которые были весьма далеки от них²². Период общественного оживления совпал с кризисом крепостного строя, и это создало для правительства значительные дополнительные трудности еще до наступления периода революционной ситуации 1859—1861 гг. Именно в эти годы расшатывал устой власти «Колокола», писал свою «Записку о тайном обществе» Огарев и, как определяет М. В. Нечкина, «Огарев и Герцен пришли к решению, что в России создание тайного общества „полезно, возможно и необходимо“»²³. В 1859 г. происходит свидание Чернышевского с Герценом. В 1860 г. Огарев уже говорит об открытом выступлении²⁴. Восстание приурочивается к моменту объявления реформы. К 1861 г. положение стало особенно острым, манифест об освобождении не мог удовлетворить и не удовлетворил крестьян²⁵. Скоро начались крестьянские волнения. Бездневская трагедия потрясла всех²⁶.

* «Обращение русского народа к русским изгнанникам, врагам своей страны» (франц.).

Сохранился очень любопытный документ о том, что III Отделение сочло полезным тогда же посоветоваться с уволенным в отставку И. П. Липранди. Герцен писал позднее в статье «Молодая и старая Россия», что Липранди, которого «с омерзением оттолкнули года три тому назад» Александр II, был призван на совет в Зимний дворец²⁷. Оказывается, «на совет», правда не в Зимний, он был «призван» и раньше. Среди бумаг Долгорукова нам удалось обнаружить документ, свидетельствующий о том, что в конце апреля 1861 г., сейчас же после безденежных событий, Долгоруков нашел нужным направить к Липранди своего верного помощника А. К. Гедерштерна, чтобы выяснить его мнение о положении дел в стране. 30 апреля Гедерштерн (авторство устанавливается сличением почерка) доносит Долгорукову:

Из разговоров «Липранди я мог заключить, что он предвидит для России смуты и потрясения и повторение Варфоломеевой ночи. Черные эти мысли основывает он: на общем неудовольствии всех классов народа, на шаткости правительственных мер, на дурном выборе начальствующих лиц, как о том удостоверяет каждое выходящее из обыкновенного круга событие, например, в Варшаве, особенно же на затруднениях, готовящихся положением о помещичьих крестьянах, которое не только не понятно для них, но при исполнении должно представить противоречия и непреодолимые препятствия, и тем самым даст повод к жалобам, к ослушанию, к посягательству на имущество и жизнь дворян и к открытым возмущениям. Между тем работы остановятся, окажется недостаток в хлебе, и затем один бог знает, что произойдет на Руси.

Внешние враги империи, все польское ее население и в самой России, нерасположенные к правительству и стремящиеся к его преобразованию, по учению Герцена и революционеров вообще, понимают затруднительные обстоятельства, накапливающиеся с разных сторон, и с которыми бороться правительству при безденежье и недостатке кредита почти не по силам. Посему, к несчастью, должно опасаться дурного исхода...»²⁸

Между тем положение усложнилось. К непрекращающимся волнениям в Польше прибавилось еще одно: в июне появились первые прокламации. Начался, по выражению Шелгунова, «прокламационный период русской истории». Герцен призывал: «Заводите типографии! Заводите типографии!»²⁹ Возможность революционного взрыва становилась весьма реальной. «Мы (...) считали себя „накануне“, — вспоминал Шелгунов³⁰. Ленин писал об этом времени: «...При таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»³¹.

В сентябре ко всему добавились еще студенческие беспорядки в Петербурге. За ними последовали в конце сентября — московские, в начале октября — казанские. За неделю до студенческих беспорядков, 16 сентября 1861 г., министр народного просвещения Е. В. Путятин, адмирал от просвещения, как его назвал Герцен, писал князю В. А. Долгорукову: «С некоторого времени студенты под влиянием некоторых профессоров стали смотреть на университеты не как на учебные заведения для высшего образования, но как на учреждения, в коих должны вырабатываться *идеи о лучшем управлении государством*, а на себя самих, как на *деятелей, призванных играть роль в политическом существовании России, как на органы, чрез которые эти идеи должны развиваться...*»³²

Открытое выступление студенчества немало напугало правительство и реакционные круги³³. Добровольный осведомитель, статс-секретарь В. П. Бутков, лишь недавно информировавший Долгорукова о пребывании Герцена в Париже³⁴, сообщая ему же 30 сентября о студенческих беспорядках в Петербурге, писал: «...Толпа зрителей была огромная. Вся набережная была запружена народом, но народом вовсе не простым. Все литераторы были тут (...) Уверяют в городе, что будто бы батальон Финляндского полка шел неохотно на площадь, оттого что молодые офицеры неохотно вели его и даже говорили при солдатах не совсем осторожные вещи (...) Дух неповиновения, дух сочувствия к университетскому делу, дух единомыслия с студентами проник во все учебные заведения. Положение их становится опасным более и более (...) Студенты ходят даже по кабакам, уговаривая пьяный народ стоять за них и идти против правительства...»³⁵

Правительство не остановилось перед жесткими мерами в отношении студентов. В делах канцелярии министра народного просвещения сохранилось отношение от 1 октября 1861 г., заверенное генерал-адъютантом П. А. Шуваловым, следующего содержания: «В телеграмме, полученной сего числа от государя императора на имя великого князя Михаила Николаевича, между прочим, сказано: „Скажи Путятину, Игнатьеву, Плаутину и всему гвардейскому начальству, что я вполне уверен, что каждый из них исполнит свой долг с энергиею и без всякого послабления“»³⁶.

Сотни студентов были арестованы и посажены в Петропавловскую и Кронштадтскую крепости. Университет был закрыт³⁷. Забегая вперед, скажем, что аресты и преследования студентов дали обратный результат. Освобождение их в декабре ознаменовалось заметным ростом студенческих кружков, частично превратившихся скоро в ячейки тайного общества, будущей «Земли и воли»³⁸.

Репрессии в отношении студентов привлекали к ним симпатии широких кругов. Волнения продолжались. «Студенческий шум не утихает. Борзо разгорается польский», — писал о конце 1861 г. сенатор Лебедев³⁹. Министр внутренних дел Валуев в своем всеподданнейшем отчете за 1861—1863 гг., говоря о положении правительства в те дни, отмечал, что оно «не имело влияния на массы <...> и не могло опереться ни на одну из главных частей этих масс...»⁴⁰

С мнением Валуева интересно сравнить не известное до сих пор письмо военного министра Д. А. Милютина 1 октября 1861 г. к брату его Н. А. Милютину, лишь недавно оставившему пост помощника министра внутренних дел. В этом письме, не сдерживаемом официальным характером известных нам уже докладов и записок, положение правительства получило еще более полное освещение:

«Ты уехал отсюда недавно, но ты удивился бы, если б теперь возвратился, быстрым успехам, которые делает у нас в России оппозиционная или даже можно сказать революционная партия. Последние студенческие происшествия нельзя считать университетскою шалостью; нет, я вижу тут начало серьезных опасностей, угрожавших у нас общественному спокойствию и настоящему порядку вещей. В уличных демонстрациях, не виданных до сих пор в Петербурге, участвовала вся молодежь без разбора платья, мундира и происхождения. Тут не только соединены студенты университета и Академии, но и учащиеся в академиях военных, в Технологическом институте и множество людей, только причисляющих себя к университету <...> Профессора почти все защищают дело студентов, между тем литература и редакции журналов открыто заступаются за своего товарища Михайлова, который уличен в сочинении, напечатании и распространении самой яростной из всех возмутительных прокламаций, когда-либо существовавших (под заглавием „К молодому поколению“). *Между студентами и литераторами есть несомненно организованный заговор*; у них есть руководители, может быть, даже из университетского круга. Польские студенты теперь еще не выказываются очень явно в этом движении, но они так самонадеянны, что ходят здесь в П(етер)бурге в конфедератках. Полиция обессилена; она хватает кого попало, до сих пор уже посажено в крепость до 80 человек. Делают допросы, но все это ни к чему не поведет, потому что *революционные идеи охватили все сословия, все возрасты, все звания; идеи эти теперь высказываются гласно на улицах, в казармах, в министерствах, я думаю, сама полиция увлечена ими*. Трудно сказать к чему все это приведет нас. Я весьма опасаясь каких-нибудь кровавых катастроф, но если даже и не дойдет до этого вскоре, то во всяком случае положение правительства будет крайне затруднительно. Правительственная основа поколеблена, все убеждены в бессилии правительства, в тупости и неспособности лиц, составляющих это правительство»⁴¹.

«Сама полиция увлечена ими». Теперь становится понятной реплика царя в ответ на отказ Шувалова стать начальником III Отделения: «Кто же мне будет сообщать о революционном направлении, повсюду теперь распространяющемся, направлении, которому поддалось само Министерство внутренних дел»⁴².

Конец 1861 г. и первые месяцы 1862 г. характеризуются дальнейшим ростом революционных настроений. Идут подготовительные работы по организации тайного общества «Земля и воля», открывается шахматный клуб, растет сеть студенческих революционных кружков, большое впечатление на правительство производит беспрецедентное выступле-

Три золотушныхъ школьника, изъ которыхъ старшему ужъ на-
брно не больше тринадцати лѣтъ напечатали и разбросали глупѣй-
шій листокъ, не справившись даже хорошо съ иностранными книж-
ками откуда она все выкрали и бездарно перековеркали. Залпъ
сохоту долженъ былъ встрѣтить глупый листокъ. Читая его всякій
скадалъ самъ себѣ: «въ семьѣ не безъ урода.» Но нѣсколько хи-
ныхъ старцевъ въ падагрѣ и хирогрѣ съ старобабьемъ умомъ, пе-
ремѣнившіе по прочтеніи глупого листка свое бѣлье и даже тутъ
исполнвшіеся о настоящемъ употребленіи этого листка, — эти
старцы почувствовали страшный, паралитической страхъ. Все это
принялось съ кашлемъ и удушьемъ проповѣдывать гибель. Пропо-
вѣдь нашла сильную поддержку и только при этой поддержкѣ успѣ-
ли заразить общество подозрѣніями. Но мысль что три золотуш-
ныхъ ребенка, могли пуститься на такое дѣло! Ну пусть, пусть эти
три золотушныхъ преступника (чему мы положительо не хотимъ
вѣрить да и нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ) Напротивъ ка-
кимъ образомъ обвиненіе трехъ золотушныхъ передалось на всѣхъ
студентовъ. Кто смѣлъ это сдѣлать? Чьими подземными, чьими хи-
лыми старобабьими стараніями укрѣпиться могло это мнѣніе. Какъ
не подумали перемѣняющіе среди дня бѣлье, что это значитъ на-
травливать всю массу народа на бѣдныхъ, и безъ того уже тысячу
разъ оклеветанныхъ и опозоренныхъ? И неужели не пойметъ обще-
ство, не поймутъ недовкиа (или ужъ слишкомъ ловкіе публицисты)
что это значитъ опозорить имя студента въ темной массѣ народа
на пятьдесятъ лѣтъ впередъ, имя университета, профессоровъ, нау-
ки, грамотѣ, смыслу. Вѣрить не хотимъ, чтобъ это дѣлалось умы-
шленно, но необразованность, страхъ, неясное пониманіе вещей вотъ
причины затмѣнія умовъ въ обществѣ. Возвращающіеся во вре-
мя графини Хлестовой должны опомниться. Ей теперь девят-
носто лѣтъ. За ней нати стыдно. Перемѣните же свое бѣлье въ по-
слѣдній разъ и укрѣпитесь, ободритесь не смущайте народъ
въ волненіи. Умы возбуждены въ страшной степени. Болѣе
трехсотъ тысячъ человѣкъ думаютъ объ одномъ и томъ же, сосре-
доточены на одной и той же мысли. Ужъ очень недалеко до всеоб-
щаго финическаго страха.

а
догада
студентовъ
а
ко
и
а
76436

КОРРЕКТУРА ЗАПРЕЩЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ РЕДАКЦИОННОЙ СТАТЬИ «ПОЖАРЫ»,
ПРЕДНАЗНАЧАВШЕЙСЯ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ», ИЮНЬ 1862 г.

ние в печати 106 офицеров против реакционного направления, принятого «Военным сборником» с уходом из него Чернышевского. 6 марта Долгоруков во всеподданнейшем отчете отмечает, что «настоящее внутреннее политическое положение чрезвычайно натянуто...» и приводит высказывание Мадзини «о зрелости России к политическому перевороту, с низвержением царствующей династии»⁴³. 27 апреля в докладе он снова подчеркивает, что «оппозиционная партия растет и усиливается с каждым днем», а правительство приближается «более и более к разрушению, приготавливаемому для него неумолимым старанием революционной пропаганды и наступательными действиями недовольных»⁴⁴.

Правительство ясно сознает грозящую опасность и продолжает готовиться к решающей битве. Вырабатываются чрезвычайные меры, подбирается тайный агент для засылки в лондонский дом Герцена⁴⁵, идет повседневная и упорная слежка за Чернышевским, которого правительство не без основания признает наиболее опасным для себя⁴⁶, в первые же дни пожаров, по инициативе Головкина, издается особое распоряжение, ограничивающее защиту студенчества от нападков за беспорядки⁴⁷.

Если осенью 1861 г. Е. А. Штакеншнейдер могла в своем дневнике записать, что «правительство явно теряло голову, спотыкалось, ловило воздух, думая схватить заговор»⁴⁸, то теперь поступки правительства приобретают более твердый характер, оно уже не спотыкается, а прямо идет к намеченной цели: подавить революционное движение.

В этой раскаленной атмосфере громовым ударом для правительства явилась распространенная 14 мая в Петербурге прокламация «Молодая Россия», в которой впервые в русской печати появилось слово «республика» и народ призывался к цареубийству.

Два дня спустя начались петербургские пожары. Правая пресса и значительная часть либеральных публицистов связали эти два события: прокламацию и пожары. Возможно, они были правы, но только в чем была связь? Толкнула ли эта прокламация на поджоги левые элементы, или правительство, подстегнутое такой прокламацией и не видя другого выхода, само решилось на них?

Посмотрим, как репали эти вопросы газеты тех дней? Только «Северная пчела» и «St. Peterburger Zeitung» сразу, 30 мая, писали «о корпорации, из среды которой, по народной молве, происходят поджоги» и «из уст в уста передается таинственный страшный слух»⁴⁹. Другие газеты к этому приходят постепенно. Так «Русский инвалид» в номерах от 25 и 30 мая, хотя и говорит о городских слухах в отношении поджогов, но о политическом характере их нет ни слова, и только в номере от 31 мая, в статье, перепечатанной из «СПб. полицейских ведомостей», сообщение о слухах принимает более конкретную форму: «Толки ходят сбивчивые, одни говорят, что виною пожаров множество скопившихся сюда людей без дела и рассчитывающих жить грабежами, другие же, что у поджигателей главная цель производить беспорядок и довести жителей столицы до крайности...» Даже в полных самых фантастических слухов о петербургских пожарах «Письмах Петербургского старожилы» и «К редактору газеты», печатавшихся в «Нашем времени» с 30 мая по 15 июня, в первом номере ничего нет о политических поджогах и лишь 5 июня впервые сообщается о том, что «целый город толкует о «правильно организованной, многочисленной шайке поджигателей, имеющей связь с последнею гнусною прокламациею...», а в номере от 9 июня, что «во всех сословиях обвиняют в поджогах политических деятелей — уверенность в том общая!»⁵⁰

Что касается исследователей, то они подходили к этому вопросу по-разному. Б. П. Козьмин писал: «Слухи о студентах-поджигателях проникли в печать»⁵¹. Источник слухов, правда, здесь не указан; неизвестно, подразумеваются ли тут городские массы или, по выражению «Искры», «читающие»? М. М. Клевенский уже точно фиксировал источник: «Среди обывателей с самого начала пожары приписывались поджогам. Больше всего винили в поджигательстве студентов-революционеров. Эти слухи проникли и в печать»⁵². М. К. Лемке держался противоположного мнения: «Правительство обезумело первое, за ним — масса общества, за ними — городская народная масса, в которую уже были брошены провокаторские указания на молодежь студенческую...»⁵³ Тут вопрос разрешен четко и ясно: слухи шли сверху в массы, а не обратно. Так же считал М. Н. Покровский, говоря об «общественном мнении», приписавшем немед-

ленно поджоги студентам: «Есть все основания думать, что такое убеждение было созданием не одной только человеческой глупости, но что природе тут помогло искусство»⁵⁴. Странно, что Лемке в примечании к заметке Герцена «Зарево», говоря о прокламации «Молодая Россия», сам себе противореча, писал: «Она вышла накануне пожаров — „левая“ интеллигенция виновата в них! „Студенты — вот поджигатели!!“ — кричала масса, а за нею и часть печати». Так ли это? Не вернее ли повернуть фразу и сказать: «Кричала часть печати, а за нею и масса?»⁵⁵.

Конечно, и до появления газетных статей с обвинениями город был полон самых разнообразных слухов о поджигателях; винули и студентов, и поляков, и офицеров, и помещиков, и др. Иначе и быть не могло во время такой паники. Но до появления газетных статей эти обвинения не носили политического характера. Пантелеев, повторяя слова «Северной пчелы», № 157, отмечал, что «в высших классах почти единогласно пожары связывают с последней прокламацией»⁵⁶. Баллод подчеркивал, что толки о студентах и революционерах-поджигателях велись «с ведома царской полиции»⁵⁷.

Известно огромное число откликов на пожары (подробнее см. о них в статье С. А. Рейсера «Петербургские пожары 1862 года»); ниже мы публикуем ряд еще не известных откликов, почти все они полны обвинений против «западных пропагандистов» и студентов, но стоят всмотреться в даты этих писем, дневников и воспоминаний, как станет очевидно, что все они, за редчайшим исключением, писаны после появления обвинений в печати. Единственный, кто уже 24 мая упомянул о связи пожаров с прокламацией, был А. В. Никитенко, но его запись («Толкуют о поджогах. Некоторые полагают, что это имеет связь с известными прокламациями...»⁵⁸) никак нельзя отнести к толкам городских масс. Не следует также забывать, что Никитенко как редактор «Северной почты» был близок к Министерству внутренних дел, дневник его за май и июнь пестрит записями о встречах с помощником министра и министром⁵⁹. Вспомним также о дружеских отношениях Никитенко с А. К. Гедерштерном, видным сотрудником III Отделения⁶⁰.

Проследим дальше его дневник. 30 мая он записывает: «Рассказам, слухам, толкам нет конца». 31-го — уже после появления в печати определенных обвинений — Никитенко приходит к выводу, что «несомненно, кажется, что пожары в связи с последними прокламациями». И лишь 4 июня появилась запись: «Народ толкует, что поджигают студенты, офицеры и помещики»⁶¹.

Ставился вопрос о связи пожаров с прокламацией и в двух запрещенных цензурой статьях журнала братьев Достоевских «Время», которые мы публикуем ниже.

То же, но еще более резко высказала «Искра» в № 22 от 15 июня. В заметке с характерным заголовком «Не всякая кучка людей — народ и не всякой кучки голос — голос народа», говоря о связи пожаров с прокламацией, «Искра» писала: «Народ не только не мог иметь такого мнения, а не имеет, конечно никакого понятия о самих прокламациях. Подобная мысль могла родиться в кружке людей, читающих и знающих о прокламациях. Здесь эта мысль родилась, здесь она и умерла бы. Оглашение ее посредством печати было верным средством к ее распространению».

Баллод вспоминал: «Стали говорить, что поджигают революционеры. В подтверждение своих предположений стали указывать на „Молодую Россию“, где говорится, что поводом к взрывам революций обыкновенно бывают какие-нибудь народные несчастия и что несчастия эти революционеры хотят вызвать массовыми пожарами»⁶².

Неужели городские массы могли быть источником таких сложных выводов?

Наглядным примером того, что мысль о связи пожаров с прокламацией — и тем самым, что поджигают революционеры, — родилась, как писала «Искра», «в кружке людей читающих» и отсюда лишь проникла в массы, могут служить и публикуемые ниже три письма М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой 26—27 мая, 3 и 10 июня. Все три письма полны слухов и толков, все они говорят о поджогах, но в первом нет ни слова о политическом характере, вторые два, написанные после появления газетных статей, полны бранью по адресу Герцена и «левых».

Нельзя не отметить также, что прокламация «Молодая Россия» была адресована не простому люду Петербурга — мастеровым, фабричным, ремесленникам, ла-

вочникам, а передовой студенческой молодежи. Она толковала о конституции, о Ледрю-Роллене, Луи Блане, Блюмере, Орсини, якобинцах, 48-м годе и т. д., пересыпана иностранными словами: антагонизм, диаметрально, централизация, федерация, радикализм, инициатива, эшафот, элемент и проч.

Трудно не согласиться с запрещенными статьями журнала «Время», что до обвинения студенчества «дошел не сам народ, а очень может быть, они перешли в него извне». «Остается лишь выяснить, что следует понимать под словом «извне»? Была ли это «читающая публика» или правительство? Посмотрим, как было дело.

14 мая появилась прокламация, а 18-го Долгоруков писал Валуеву:

«Вот <...> экземпляр прокламации, которую я вам показывал утром. Оставьте ее у себя, если у вас ее еще нет, и постарайтесь, если возможно, установить по шрифту и бумаге, откуда может исходить листовка. Мы, со своей стороны, тоже этим займемся...»⁶³

Письмо устанавливает два факта: правительству не известно, откуда идут прокламации, и разбросаны они далеко не в таком количестве, о котором говорят современники, так как в этом случае начальник III Отделения не мог бы 18 мая сомневаться в наличии у министра внутренних дел экземпляра прокламации, разбросанной 14-го числа.

Другое письмо Долгорукова к Валуеву 13 июня 1862 г., опубликованное в свое время Лемке, уже не оставляет никаких сомнений в том, что еще в середине июня правительство не знало, что прокламация напечатана в России, и думало, что она идет из Лондона. Говоря о письме Горчакову, полученном от Бруннова и прилагая его к посылаемому письму, Долгоруков писал: «Судя по их мнению, „Молодая Россия“ напечатана вовсе не в Лондоне, а в России»⁶⁴. Всеподанный отчет Голицына в 1871 г. о работе следственной комиссии за 1862—1871 гг. подтверждает, что и в 1871 г. правительство не знало, кто напечатал прокламацию⁶⁵. Почему же оно еще в конце мая через инспирируемую им печать пытается связать пожары с прокламацией и поддерживает обвинение против всего студенчества? Это может служить еще одним серьезным обвинением против правительства.

Письма современников, иногда полные ложных слухов, при критическом рассмотрении могут помочь освещению столь загадочного вопроса: кто поджигал? В письме М. Г. Карташевской В. С. Аксаковой из Петербурга (26—27 мая 1862 г.) читаем:

«...У нас такие страшные пожары, что весь город был в волнении. По семи пожаров в день. Куда ни обернешься, везде дым и пламя. Никакого нет сомнения, что это поджигательство, даже, говорят, многих схватили с зажигательными снарядами. Пожары эти недаром <...> от поджигательства не спасешься».

27 мая. Карташевская добавляет: «...Сегодня распустили в городе слух, что будет страшный пожар, и полиция приняла уже меры...»⁶⁶ 3 июня 1862 г. Карташевская снова писала Аксаковой:

«Накануне, в ту минуту, как надобно было посылать человека с приказанием за нами выехать, вспыхнул страшнейший пожар и так близко от нас, что на наш двор перекидывало горячие головешки. Все экипажи наши стояли заложенные, чтобы переехать к кому-нибудь из знакомых. Подожгли Апраксин двор, это толкучий рынок, занимающий огромное пространство, почти весь состоящий из деревянных лавчонок. Можешь себе представить, как страшно все вспыхнуло, но пожарная команда действовала так отлично, что пожару не дали распространиться; невозможно было спасти только Министерство внутренних дел, примыкающее к этому двору, но рядом стоящее Министерство просвещения осталось невредимо. В этот день был не ветер, а просто буря, и дул прямо на нас, оттого и перебрасывало головни, хотя собственно пожар не был очень близко <...>

Накануне нашего отъезда мы уже не говорили маменьке, что вымазан был зажигательным составом забор деревянного дома напротив нас; только хозяева приняли меры, все соскребли. Братья говорят, что все деревянное в Петербурге вымазано, что на улицах видишь беспрестанно толпу, стоящую перед этими вымазанными местами, рассматривают, нюхают. Полицеймейстер говорил сам Андр(ею) Ник(олаевичу)⁶⁷, что

Книж. магазин.
Витязевъ К. Д. Директоръ.

Запрещено.

3 июля

Мы прочли передовую статью въ № 163 «Сѣверной Пчелы» по поводу пожаровъ въ С Петербургѣ прочли и ужаснулись до чего можетъ дойти отсутствіе всякаго такта въ обсужденіи самыхъ серьезныхъ вопросовъ.—Петербургъ горитъ ежедневно и горитъ страшно—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.—Петербургъ поджигаютъ—объ этомъ всё говорятъ, но никто ничего положительнаго не знаетъ. Полицію говорить захвачено множество людей но полиція молчать и захваченъ ли кто и кто захваченъ, мы ничего незнаемъ —Все слѣдовательно вѣрится на однихъ толкахъ. Мы знаемъ по предшествовавшимъ, подобнымъ настоящему, случаямъ на сколько здѣсь можно полагаться на голосъ народа.—Вспомнимъ только объ отравкахъ во время первой холеры, когда народъ обвинялъ въ этомъ поляковъ, всё знаютъ на сколько это было вѣрно.—Нетолько потворство подобнымъ толкамъ но и такой двусмысленный отзывъ объ этихъ слухахъ, какой помѣщенъ въ передовой статьѣ Сѣверной пчелы, есть признакъ совершенной неспособности къ пониманію и объясненію совершающихся фактовъ.—Подобный отзывъ можетъ дать поводъ нѣкоторымъ думать, что въ этихъ толкахъ есть доля правды. Серьезная политическая газета говорить о слухахъ съ сомнѣніемъ,—чуть не въ пользу ихъ; многіе скажутъ—стало быть есть основаніе къ такимъ толкамъ. Такого вывода довольно, чтобы усилить народное волненіе и кто тогда виноватъ будетъ: прокламаціи, которыхъ народъ вовсе не читалъ и которыя ему совершенно чужды, или серьезная политическая газета, которую читаютъ во всѣхъ харчевняхъ? Что касается до насъ, то мы никакъ допустить не можемъ, что какаѣ бы то ни была политическая партія, которая не можетъ же состоять иначе, все-таки, какъ изъ мало мальски образованныхъ людей, способна была прибѣгать къ такимъ безумнымъ, ужасающимъ своимъ звѣрствомъ средствомъ, какъ поджогъ. Мы прямо и положительно отрицаемъ возможность подобной солидарности двухъ явленій не имѣющихъ по нашимъ мнѣніямъ ничего общаго.

КОРРЕКТУРА ЗАПРЕЩЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ РЕДАКЦИОННОЙ СТАТЬИ «ПОЖАРЫ»
ПРЕДНАЗНАЧАВШЕЙСЯ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ», ІЮНЬ 1862 г.

Лист 1

Сбоку надпись: «Запрещено. 3 июля»

Центральный государственный исторический архив, Ленинград

поймано человек 20 с зажигательным веществом. Теперь объявлено, что будут их судить военным судом в 24 часа и, говорят, с тех пор еще не было поджигательства <...>

Какая сильная должна быть шайка поджигателей; схваченные объявляют, что их подкупал господин и давал по триста рублей. Между тем беспрестанно письменно вещают, что будет гореть то и то. Последнее известие, что будет гореть Новгород, и уже, говорят, Боровичи выгорели. Разбойники! И все это бедствие падает на бедный народ, живущий в лачужках. Им хочется двинуть его отчаянием. Тут, конечно, не без Герценовского участия. Говорят тоже, что в заговоре Петрашевский; была программа пожаров и что эта программа сбывается. Между тем все ссыльные по этому делу прощены; так вот они, может быть, и благодарят за свое возвращение. Не знаешь, как и милостивому быть <...>

Нас пугают, что и Гатчина будет гореть и что Москву будут поджигать...»⁶⁸

Отметим в первую очередь, что сам полицеймейстер, оказывается, являлся распространителем ложных сведений о поимке двадцати человек с зажигательным веществом. Второе, что обращает на себя внимание,— это слова Карташевской о петрашевцах; они почти полностью совпадают с примечанием П. И. Бартенева к письмам Ф. И. Тютчева жене: «...Поджоги велись по тому самому плану, который был составлен еще в 1849 г. Петрашевским с братиею. Слышано от И. П. Липранди». Такое совпадение наводит на ряд мыслей⁶⁹.

Третье письмо Карташевской (Кобрино, 10 июня 1862 г.) также полно яростных обвинений революционеров: «...Мы бежали из Петербурга, думая и считая себя здесь в безопасности, а как бы не пришлось здесь бояться еще более. Мы маменьке не говорили, что уже подбрасывали письма, что будут жечь деревни. Вследствие этого было уже предписание от правительства всякое лицо, появляющееся в деревне, допрашивать и осматривать. Когда здесь запыхают пожары, это бедствие будет еще ужаснее городского! Злодеи, губители, проводящие свои собственные фантазии под предлогом усовершенствования России, сколько бедствий они уже произвели! В Петербурге все пока спокойно, но эта адская шайка так не успокоится. Много уже схвачено, и по милости их много может быть и невинных. Все это творение Герцена, его любви к России...»⁷⁰

И современники, и архивные документы свидетельствуют о принятии правительством решительных мер, о создании комиссий, о публикации различных постановлений, и все это сводится исключительно к репрессиям. Объясняется это тем, что путь к реакции был намечен уже ранее, и теперь он только расширялся.

Уже 4 июня Долгоруков в публикуемом нами письме сообщил Валуеву: «Только вечером, вернувшись от императора, я получил вашу вчерашнюю записку, дорогой Петр Александрович. Я увижу его только в Петербурге между 11 и 12. Но аресты могут производиться, если они признаны необходимыми, без всяких колебаний и если у нас будет место для задержанных. Во всяком случае я уполномочен сегодня же посоветаться с вами, Паниным, Горчаковым и другими»⁷¹.

Хотя аресты и допросы не дали никаких доказательств виновности левых, правительство не считало нужным опровергнуть ложные слухи. Наоборот, оно старалось подтвердить клевету. Особенно резко это вывилось в отношении обвиненных студентов.

С. А. Рейсер в статье «Петербургские пожары 1862 года» привел не известную ранее переписку министра народного просвещения Головинна с Валуевым от 30—31 мая 1862 г., в которой Головинн ставил перед Валуевым вопрос об опубликовании правительством заявления о том, что «в числе заподозренных в поджогах нет студентов» и что «обвинение, которое распускается против них в поджоге, несправедливо». Валуев ответил отказом⁷².

В настоящее время мы имеем возможность познакомить читателя с этой перепиской несколько шире. Головинн поднял этот вопрос в своем всеподданнейшем докладе 30 мая: «...В городе весьма распространился слух между народом, будто бы главные виновники в поджогах здешние студенты, и положение молодых людей даже сделалось опасным». Головинн одновременно ставит царя в известность, что «Общество для пособия бедным учащимся решилось приобрести на 2500 р. статского платья, чтоб раздать нищему студентам, которые кроме старых форменных сюртуков и мундиров, не

«СОЧИНЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВ-
СКОГО», т. I, ИЗД. Н. ОСНОВ-
СКОГО (М., 1860) С ДАРСТВЕН-
НОЙ НАДПИСЬЮ:

«Степану Дмитриевичу Яновскому
от автора»

Титульный лист

Центральный государственный архив
литературы и искусства, Москва

Степану Дмитриевичу
Яновскому
от автора

СОЧИНЕНИЯ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

МОСКВА

Въ типографіи Императорскаго университета въ Землемѣрскомъ корпусѣ

1860.

имеют другой одежды», и тем предохранить студентов от возможных последствий народного гнева⁷³.

Ответ Валуева уже известен. Остальные три ответа по существу совпали с ответом Валуева. Резолюция царя гласила: «Распоряжение одобряю. Вот последствие безрассудного поведения нашей университетской молодежи». Таким образом, царь ответил лишь на один вопрос и умолчал о другом, основном. На официальную защиту студенчества и он не согласился и даже косвенно возложил на него вину. Ответ Долгорукова был схож с валуевским. Это был отказ с еще более циничной формулировкой. Долгоруков писал: «...С тех пор как здешний университет закрыт, студентов нет, и если бывшие студенты будут одеваться, как прочие граждане, то между ними и сими последними разница исчезает, а вместе с тем они освободятся и от опасности, которой теперь подвергаются. Кроме того подозрение в поджигательстве распространяется на лица всех сословий, смотря по свойству людей, которых подозревают...»⁷⁴

Несколько иначе преподнес свой отказ петербургский генерал-губернатор А. А. Суворов. «Отвечайте студентам»,— писал он Головнину.— *Sic transit gloria mundi**. 1861 г.— вся публика была на их стороне. 1862 г.— совершенный контраст и без пожаров. Напрасно некоторые думали, что пьедестал, который им возведен был неосторожно, не разрушится, виноваты некоторые, терпят все, я говорю здесь о студентах. Нельзя сравнить их с медиками в холеру. (Сравнение было использовано Головниным в докладе царю.— Н. Р.) Публиковать невозможно. *Кружки* не чужды пожарам, а в *кружках* есть и студенты...⁷⁵

Итак, четыре отказа, и все они свидетельствуют о том, что не в интересах правительства было пойти на официальную реабилитацию студенчества. Лишь позднее, когда появились требования опубликовать результаты следствия, а сделать это не было возможности, поскольку в руках правительства не было ни одного доказательства виновности обвиняемых, оно вынуждено было пойти на частичную, неофициальную реабилитацию. Эту роль взяли на себя, по выражению А. Н. Пыпина, те

* Так проходит слава мира (лат.).

самые «мутные органы печати» ⁷⁶, которые ранее способствовали распространению клеветы.

Так поступила «Северная пчела», которая постепенно начинает отходить от указанного ею 30 мая. Уже в № 151 она пишет: «Здравый ум публики, растерявшейся в первые минуты испуга, уже начинает видеть, до какой степени преувеличены прежние слухи», на что получает резкую отповедь от «Искры»: «Кто растеривается во время народных бедствий, тому вовсе не следует выходить на общественную арену, а следует сидеть за печкой, дома» ⁷⁷.

Несколько позднее ту же позицию займет и «Наше время». Поворот этой газеты особенно любопытен. В № 122, 9 июня, и № 127, 15 июня, помещены описания петербургских пожаров в виде писем «К редактору газеты», подписанных буквой Х. 9 июня Х. писал: «...Во всех сословиях обвиняют в поджогах политических деятелей — уверенность в этом общая <...> В комиссии целая комната завалена зажигательными снарядами различных свойств...» И тот же Х. через 6 дней, 15 июня, высмеивает все слухи, называет их фантастическими, описывает случай «с представленным в полицию» заподозренным в поджигательстве, у которого «при обыске из зажигательных орудий открыта только колбаса с перцем и чесноком». Тут же Х. хвалит следственную комиссию за то, что она «не спешит отсылать обвиняемых в военный суд, взвешивает улики и свидетельства. Иногда двое, трое свидетелей показывают, что видели, как поджигал подсудимый, да на видение-то их положить трудно». «Journal de St. Pétersbourg» (№ 136, 18 и 19 июня) предостерегал читателей от «преувеличенных заключений»: «пожары всегда случались очень часто в России», «следствие производится весьма деятельно, но... в случаях такой важности нельзя ограничиваться одними подозрениями».

Раз следствие ничего не дало и опубликовать результаты его правительство не могло, не оставалось ничего другого, как идти на попятный. Например, Валуев в записке 9 июня 1862 г. предлагал сообщить «о найденных у разных студентов горючих материалах», когда ни одного такого случая не было ⁷⁸. В докладе Суворова, представленном царю 11 сентября 1862 г., с предельной ясностью показано, что все обвинения «левых» кончились скандальным провалом. Очевидно поэтому в проекте высочайшего повеления вопрос о пожарах не нашел себе места ⁷⁹.

«... С открытием комиссии, — писал Суворов, — полиция передала в ее распоряжение 48 лиц разного звания, взятых под стражу по подозрению в поджигательстве. В числе арестованных находились а) лиц податного состояния — 19, б) нижних воинских чинов — 5, в) солдатских жен — 1, г) детей — 1, д) чиновников — 5, е) разночинцев — 6, ж) бывших студентов С.-Петербургского университета — 1, з) студентов императорской Медико-хирургической академии — 2, и) домашних учительниц — 1 и) уроженцев остзейских губерний — 3, к) иностранцев — 3. В ведение комиссии передан был также и бывший учитель Лугского уездного училища Виктор, арестованный за поджоги, сделанные в городе Луге. Вместе с арестованными препровождается была в комиссию и вся переписка о них, заключающая в себе первоначальные сведения о причине заарестования лиц, взятых под стражу».

По рассмотрении в комиссии означенной переписки и по внимательном обсуждении свойства причин, возбудивших подозрение в поджигательстве или в намерении совершить иное, по некоторым делам оказалось, что подвергшиеся аресту лица были заподозрены публикою без всяких юридических обоснований и что самое задержание тех лиц произведено полициею преимущественно с целью избавления заподозренных людей от насильственных действий со стороны толпы народа, раздраженного бывшими тогда пожарами. Такие лица безотлагательно освобождались следственною комиссиею из-под стражи и затем всякое дальнейшее производство в отношении их прекращалось.

В тех случаях, когда собранные при первоначальном дознании факты представляли юридические основания к раскрытию причин бывших здесь пожаров или к обличению лиц, подозреваемых в поджигательстве, комиссия производила формальное следствие и следственные дела по окончании представляла ко мне на рассмотрение (<...>)

В настоящее время следственная комиссия закончила свои действия и из донесения председателя оной генерал-адъютанта Ланского оказывается, что бывшие в С.-Петербурге в мае и июне сего года пожары, по убеждению комиссии, основанному на имев-

«ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ» А. МИЛЮКОВА
(СПб., 1858) С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ

АВТОРА ДОСТОЕВСКОМУ:
«Федору Михайловичу Достоевско-
му на память от забывающего его
автора. А. М. 20 марта 1858. Петер-
бург»

Щмцтитул. Книга не сохранилась
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ

РУССКОЙ ПОЭЗИИ

*Федору Михайловичу
Достоевскому
на память
от забывающего его автора
А. М.
20 марта 1858.
Петербург.*

шихся в виду ее данных, происходили большею частью от поджогов. Определить безошибочно побуждения и цели, руководившие поджигателями в их преступных действиях, по мнению следственной комиссии, весьма затруднительно, тем не менее с некоторою достоверностью можно полагать, что в числе поджогов были и такие, которые произведены исключительно с целью расхитить имущество во время пожара, или воспользоваться страховою премиею, превышающею стоимость застрахованных вещей. Допустить существование других побуждений возможно только на том основании, что некоторые из лиц, подвергшихся обвинению в поджигательстве, по своему званию и общественному положению не могут не быть изъяты от подозрения в преступно-корыстных целях. К убеждению в справедливости такого предположения служит распространение злонамеренных идей в рассеиваемых прокламациях и в особенности в известной под заглавием „Молодая Россия“. Ввиду такого брожения умов есть повод полагать, что некоторые из бывших пожаров имели связь с заблуждениями людей, стремящихся к осуществлению своих преступных целей.

Впрочем, действительные причины злоумышленных поджогов могли бы быть определены с полною достоверностью лишь в том случае, когда бы преступники были обнаружены и, сознавшись в своем преступлении, объявили о целях, руководивших ими при совершении поджигательства. Между тем почти все арестованные по подозрению в поджогах, несмотря на старание следственной комиссии привести их к чистосердечному сознанию, упорно запирались при допросах в возникшем против них обвинении и изблещить их в том не представлялось никакой возможности по неимению в виду фактов. Вообще комиссия при производстве исследования о причине бывших здесь пожаров и при собрании доказательств для улик лиц, обвинявшихся в поджигательстве, постоянно встречала препятствия к достижению своей цели по недостатку необходимых для того данных и в особенности свидетельских показаний»⁸⁰.

Итак, арестованные освобождены, поскольку невинновы, суду преданы лишь учитель Викторов, спяну пытавшийся поджечь школу в Луге⁸¹, и «опасный преступник» 12-летний солдатский сын Ненастьяев. О таких «результатах» можно было келейно сообщить царю, но публиковать их ко всеобщему сведению, конечно, было невозможно, а потому правительство молчало.

Власти молчат, а реакционное и перепуганное умеренно-либеральное «общество» продолжает обвинять в поджогах левых. Об этом пишут не только историк А. А. Кулик Погодину⁸² и Тютчев жене⁸³, но и Тургенев Анненкову⁸⁴ и Кавелин Спасовичу⁸⁵.

Обвиняя революционные круги, все они оправдывают наступившую реакцию, большинство требует репрессий⁸⁶. В этих письмах опять-таки чувствуется влияние газетных статей.

К известным уже ранее письмам-откликам на пожары мы добавляем еще два, публикуемые ниже: Ивана Аксакова к Самарину и Аркадия Россета к Валуеву. По вопросу о виновниках они одного мнения, расходятся лишь в тактике, которой должно придерживаться правительство. Один требует гласности, дающей возможность бороться с левыми, другой — репрессий. Второе письмо представляет особый интерес, поскольку, как мы увидим далее, Валуев не только учел высказывания Россета в своих дальнейших действиях, но мысли и отдельные фразы использовал в ряде своих распоряжений и даже в докладах царю. Это неизвестное нам ранее письмо показывает, как Валуев прислушивался к мнению правых кругов и в соответствии с ним поворачивал свой административный рычаг. 12—13 июля 1862 г. Аксаков в огромном письме, извлечения из которого мы приводим, писал Самарину:

«...Посылаю тебе „Молодую Россию“ и еще другие две прокламации. Последние обе совершенно бледнеют в сравнении с первой! „Молодая Россия“, к несчастью, была довольно сильно распространена в столицах, и едва ли есть в Москве лавочник, который бы не слышал или не прочел ее. Эта прокламация (еще до пожаров) наполнила народ ужасом, в точном смысле слова. Я это знаю от людей наших, слышавших об ней в трактире, от полотеров, натирающих полы у нас в доме, и проч. Она заподозрила еще сильнее в глазах народа грамоту, науку, просвещение — дары, исходящие из наших, *господских* рук. Прибавь к этому слухи о заговорах на жизнь царя, создавшие целые легенды. Полотер, например, рассказывал у нас в доме людям, как царь делал смотр в Петербурге солдатам после того, как открыт был заговор, и объявил им, т. е. нижним чинам и унтер-офицерам, что он надеется на них, а не на офицеров, потому что „вы (солдаты) веруете в бога, так же как и я верую, а офицеры не веруют“. То же самое деление на верующих и неверующих применяет народ к себе и к „господам“ <...> Народ, разумеется, не понял прокламации, но разобрал в ней только то, что она проповедует безбожие, неуважение „к отцу и матери“, брак не вменяет ни во что и хочет зарезать царское семейство <...> Положение публицистов теперь очень щекотливо. Писать правду нет возможности: это значило бы указывать пальцем раздраженному народу на сословие и без того сильно им заподозренное — сословие ученых и учащихся. Мне говорили люди, заслуживающие доверия, что правительство затрудняется в оглашении следствия именно потому, что главными виноватыми в поджогах оказываются — студенты Медико-хирургической академии и учитель уездного училища. Впрочем, студенты, кажется, не сознаются. Тургенев рассказывал мне (он был на пожаре Щукина двора) — он слышал собственными ушами, как самый простой серый мужик кричал: это *профессора* поджигают. „Профессора, студенты“ — эти слова стали уже знакомы народу! И немудрено. Студенты своими демонстрациями в Москве и Петербурге отрекомендовались народу с самой невыгодной стороны: он тогда познакомился с ними.

Разумеется, целая партия в Петербурге и в журналистике упорно отрицает существование политического характера в поджогах и даже самые поджоги, но я думаю, что никто, по совести, этого не думает, а считает нужным так говорить, чтобы удержать правительство от реакции. Но это маневр ошибочный: самое лучшее требовать гласности суда над обвиняемыми и полнейшей свободы печати. Не знаю, что докажет следствие, но что поджог, как средство, возможен в принципе и истекает логически из учения „Молодой России“ — это вполне доказывается самою этою прокламациею. Кажется, ты получаешь „Русское слово“. Прочти в майской книжке (последней) статью о французской революции какого-то Попова. Это оправдание террора и возведение террора в учение, в принцип!⁸⁷ Разумеется, я не думаю, чтобы „Современник“ и „Русское слово“ были в связи с авторами прокламации и с поджигателями, — но что последние суть их закононорожденные духовные детища, хотя и не желаемые, в этом нет сомнения. Также нет сомнения и в том, что при свободе книгопечатания эти детища были бы убиты в самом зародыше <...> Конечно, лучшей услуги оказать правительству нельзя было, какую оказали эти господа — „Молодая Россия“. Действительно, народ еще теснее сблизился с царем, и не только с царем, но и с петербургским правительством. Недоверие к

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

Автолитография С. М. Шор, 1935

Собрание художницы, Москва

образованному сословию возросло еще более. А правительство бестолковым запрещением журналов и закрытием всех воскресных школ еще более утвердило народ в этом недоверии»⁸⁸.

Судя по письму, Аксаков мог бы протянуть руку Суворову и повторить его фразу из ответа Головшину: «1861 г. — вся публика была на их стороне. 1862 г. — совершенный контраст и без пожаров»⁸⁹. Правда, в отличие от Суворова, он настаивает на гласности и свободе книгопечатания, но нужны они ему для того, чтобы при них — и в первую очередь благодаря последнему — враждебное направление, как он надеется, будет убито «в самом зародыше»⁹⁰. Поневоле вспомнишь отзыв Боборыкина в письме к Пышину: «Иван Сергеевич Аксаков, как и прежде, производит на меня впечатление тупого чиновника по славянофильским делам»⁹¹.

Развернутую программу правых кругов дает в письме к Валуеву 3 июня (по ошибке датированного 3 мая) брат А. О. Смирновой и знакомый Пушкина и Гоголя, Аркадий Осипович Россет, в 1860-х годах генерал-лейтенант и председатель Временного распорядительного комитета по устройству южных поселений Министерства государственных имуществ:

«...»Пишу под впечатлением скорбного чувства последнего пожара и толков, возбужденных им в обществе. Кажется, правительство и наше легкомысленное общество наконец убедились, что пожары — поджоги, а поджоги — в связи с воззваниями, прокламациями и подложными манифестами, которые, как ходит слухи, десятками тысяч уже проникли во внутренние губернии. Вчера приехавший из Москвы Д. Н. Свербеев мне говорил, что там положительно утверждают, что их уже видели на улицах.

Одно из необходимых и самых редких правительственных свойств, свойство прозорливости, свойство предвидения и предупреждения. Дело теперь не в том, чтобы

толковать о расположении дровяных дворов в середине города или нападать на полицию и пожарные команды, а в том, чтобы предупредить последующие пожары в Петербурге и еще более страшные пожары разных родов и видов, которые могут разлиться по всей России. Что было — то было; как допустило правительство — не время об этом говорить. Должно надеяться, что учреждение особого Комитета с подразделением города на кварталы, деятельность городского начальства и полиции и бдительность напуганных обывателей оградят Петербург от дальнейших поджогов <...>

Пора, право пора, прозреть, прямо глядеть на врагов, прямо на них указать, побороть их и рассеять несчастное убеждение всех и каждого, что правительство, сбитое с ног параличом, без рук и языка.

Настоящий случай самый для того удобный. Он дает правительству возможность и право, налагает даже на него обязанность зажать рты, кому нужно, уничтожить, что нужно — всё его затрудняющее и ему препятствующее. Оно доказывает положительно и ясно, что враги правительству — враги и России. Других у него нет. Прислушиваясь к толкам, люди различных мнений и партий, либералы и консерваторы, читающие и пишущие, обличители и обличаемые, все одинаково гнушаются поджогами и соединились в одном чувстве и мысли: остановить и прекратить. Кто же враги, как не те, кто в пять лет успели поджечь некоторых высоких лиц⁹² и правителей, увлекшихся писателей и литераторов, всю нашу пылкую молодежь, огромное число различного рода дураков, вроде флигель-адъютанта Ростовцева, и, наконец, в настоящее время, чтобы поджечь народ, одною рукою поджигают его жилища и другою поджигают его взяться за пожары для истребления всей царской фамилии, духовенства, дворянства, всех правительственных и служебных лиц. Как не воспользоваться такими уродливыми званиями, соединенными с таковыми уродливыми действиями, которых не одобряют в Европе даже самые отчаянные революционеры <...>

Как не сказать гласно народу, что те самые, которые его возмущают, сожигают его дома и добро. Подобного счастливого в бедствиях случая не представляла история революции ни одного государства...»

Дальше идет предложение опубликовать в виде манифеста или рескрипта о реформах, уже осуществленных и подготавливаемых, и подчеркнуть, что «нашлись предатели, изменники ему <царю> и России, которые найдя приют в Лондоне, столице Англии, высылают оттуда печатные возмутительные воззвания, даже подложные манифесты, как бы подписанные собственною его рукою, возбуждая народ к мятежу и восстанию, что нашлись в самой России сообщники, которые, следуя этим воззваниям, сожигают дома и достояние бедного, несчастного народа и конечным разорением домогаются восстановить его против державной власти и существующего порядка»⁹³.

Правые круги больше пожаров в буквальном смысле слова боялись пожаров «разных родов и видов», о которых писал Россет. К предупреждению таковых он и призывает Валуева.

Любопытно сравнить всеподданнейший доклад Валуева 1864 г.⁹⁴, статью официозных «С.-Петербургских ведомостей» (№ 122, 8 июня 1862 г.) и воспоминания о Валуеве директора департамента полиции графа Толстого⁹⁵ с некоторыми разделами письма Россета.

В ряде строк мы обнаружим много сходного. Разве слова Валуева в докладе о связи «между поджигателями, старавшимися распространить смятение и неудовольствие в народе путем материальных опустошений, и теми другими преступниками, которые усиливались возжечь нравственный пожар правительственного и социального переворота», не напоминают фразу Россета, «что те самые, которые его возмущают, сожигают его дома и добро?» Разве утверждение «С.-Петербургских ведомостей»: «Если бедствие народа идет не от власти, то оно ведет не к разрыву, а к более тесной и близкой связи народа с властью» — не повторение мысли Россета о том, что «сопоставление действий правительства, прошлых и будущих, с действиями поджигателей и возмутителей» обратит общественное мнение? Наконец, разве за словами Толстого, что ему «приятно вспомнить, как ясно смотрел на это дело Валуев», что он «сознал, что правительство должно воспользоваться этим обстоятельством, чтобы восстановить свой авторитет, столь сильно поколебленный последнее время», мы не различаем взглядов и слов Рос-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

Автолитография С. М. Шор, 1935

Собрание художницы, Москва

сета? ⁹⁶ Не следует думать, что только требования консервативных кругов заставили Валуева пойти еще далее по пути реакции, но они несомненно облегчили выбранный им путь, и многое он делал по прямому их указанию.

Публикуемые нами письма Карташевой, Аксакова и Россета схожи с ранее известными откликами на пожары: виновны в поджогах левые, и репрессии не только оправданны, но и необходимы. В письме 21—22 июня 1862 г. Аксаков писал Самарину: «... Но как гнусно наше общество и наше молодое поколение: только в России может быть серьезный спор о том, позволительно или не позволительно прибегать к поджогам. А немолодое поколение требует николаевщины» ⁹⁷.

На этом фоне очевидно мужество редакторов журнала «Время». В дни, когда Петербург еще горел, когда газеты кричали, что поджигают студенты-революционеры, какой смелостью нужно было обладать, чтобы решиться писать, что до слухов о студентах-поджигателях дошел не сам народ, а очень может быть, они перешли в него «извне» и еще не известно «чьими подземными (<...> стараниями укрепиться могло это мнение?» «Время» не скрывало, что статьи — «наше обвинение, наш протест».

Обе статьи журнала «Время» были запрещены цензурой; лишь небольшие извлечения, сделанные III Отделением из первой статьи «Пожары», были впервые опубликованы Б. П. Козьминым в 1929 г. в его статье «Братья Достоевские и прокламация „Молодая Россия“» ⁹⁸. Другая статья до настоящего времени была известна лишь по первой фразе: «Мы прочли передовую статью в № 143 „Северной пчелы“». «Пожары» были запрещены 1 июня, вторая статья — 3 июня. Для публикации Козьмин пользовался выписками, сделанными в журнале следственной комиссии от 6 июня.

В настоящее время мы имеем возможность познакомить читателей с обеими статьями целиком. В ЦГИАЛ, в делах канцелярии министра внутренних дел, сохранились гранки этих двух статей с правкой и добавлением одного абзаца рукой

М. М. Достоевского. На первой статье «Пожары» имеется карандашная надпись царя: «Кем написана?» На полях чернилами: «Запрещено 1 июня 1862». На одной из последующих гранок статьи пометы: «Время» и «г-ну цензору 1 мая» (ошибочно вместо 1 июня). На гранках второй статьи «Мы прочли передовую статью в № 143 „Северной пчелы“» карандашная надпись царя: «Кем написана? Сообщить К. Долгор<укову>». На полях чернилами: «Запрещено 3 июня»⁹⁹.

Далее дело развивалось следующим образом: после запрещения Головнин, по распоряжению царя, направил статьи в III Отделение, откуда они были пересланы в следственную комиссию. Последовал допрос М. М. Достоевского, вызванного в комиссию 8 июня, после чего Голицын 10 июня, докладывая о статьях царю, предложил запретить издание журнала «Время» на срок до восьми месяцев. Предложение вызвало резолюцию царя: «Согласен»¹⁰⁰.

12 июня Голицын направил обе статьи Валуеву с следующим отношением, отдельные фразы которого уже приведены Лемке в примечаниях к Собранию сочинений Герцена, Б. П. Козьминим в статье «Братья Достоевские и прокламация „Молодая Россия“» и Б. В. Томашевским в Собрании сочинений Достоевского (XIII, 612—613). Голицын писал:

«Секретно»

Милостивый государь Петр Александрович

Главный начальник III Отделения собственной его императорского величества канцелярии передал 6 сего июня на усмотрение высочайше учрежденной под моим председательством следственной комиссии доставленные к нему по высочайшему повелению управляющим Министерством народного просвещения две приготовленные для напечатания в журнале „Время“, но запрещенные 1 и 3 июня сего года статьи, написанные редактором сего журнала Достоевским.

В одной из этих статей под заглавием „Пожары“, особенно направленной к осуждению действий правительства по случаю последних событий, автор, разбирая ходящие в Петербурге о бывших пожарах слухи, наводящие в поджогах подозрение на студентов, и упоминая о возмутительном воззвании „Молодая Россия“, выразился, что это воззвание напечатали и разбросали „три золотушных школьника“.

Комиссия вследствие сего призывала Достоевского в свое присутствие и требовала, чтобы он наименовал этих школьников, но Достоевский отозвался, что их не знает и что употребленное о них в статье выражение есть не что иное, как просто литературное выражение, хотя, впрочем, по его изъяснению, лучше было бы, конечно, выразиться: *три-четыре*.

Отзыв сей комиссия приняла к сведению и, вместе с тем находя, что самая статья содержит в себе вредное направление, предоставила мне представить о сем на высочайшее государя императора благоусмотрение.

Высочайше утвержденными в мае текущего года правилами предоставлено министрам внутренних дел и народного просвещения по взаимному соглашению в случае вредного направления какого-либо периодического издания запрещать печатать в оном рассуждения о несовершенстве существующих у нас постановлений и о недостатках администрации и прекращать самое издание на срок не более осьми месяцев.

Его императорское величество по всеподданнейшему докладу моему о сем высочайше повелеть соизволил: о настоящем обстоятельстве сообщить вашему превосходительству для зависящего распоряжения.

Исполняя сим таковую высочайшую волю и препроводя к вам, милостивый государь, упомянутые выше две статьи, возобновляю уверение в совершенном моем почтении и преданности

Князь Александр Голицын¹⁰¹.

Получив отношение Голицына, Валуев переслал его Головнину, и 15 июня получил ответ. Головнин сообщал: «Возвращая вам, почтеннейший Петр Александрович, отношение князя Голицына, могу уведомить, что я просмотрел несколько книжек журнала „Время“ и не нашел в них вредного направления, которое могло бы оправдать какие-либо строгие меры против этого издания. Прилагаю письмо по сему предмету председа-

теля цензурного комитета с просьбой потрудиться возвратить. Преданный Г о л о в н и н».

На отношении Головинина от 15 июня имеется карандашная помета Валуева: «Возвратить письмо г. Цеа с<татскому> с<ответнику> Головинину, присовокупляя, что я разделяю вышеуказанное в нем мнение и о сем лично не премину объясниться с г. Головининым, а затем и довести до высочайшего сведения»¹⁰².

Валуев докладывал царю по этому вопросу 22 июня. На отношении Голицына к Валуеву от 12 июня имеется помета Валуева: «Сообщить с.с. Головинину, что я доводил до высочайшего сведения о содержании его отзыва и о моем по сему предмету мнении. Государь император изволил разрешить не прекращать издания журнала „Время“ ныне, но с тем, чтобы за ним имелось надлежащее наблюдение. Царское Село 22 июня 1862 г.»¹⁰³.

Итак, «Время» не было приостановлено, но «надлежащее наблюдение» привело к тому, что в мае 1863 г. журнал был закрыт.

Прежде чем перейти к самим статьям, необходимо в первую очередь поставить вопрос: кто же автор запрещенных цензурой статей «Пожары» и «Мы прочли передовую статью в № 143 „Северной пчелы“...»? Первым, кто упоминал о них, был Лемке¹⁰⁴ и он говорил о них, как о статьях Ф. М. Достоевского. Правда, при этом Лемке допустил ряд ошибок, отмеченных позднее Козьминым в статье «Братья Достоевские и прокламация „Молодая Россия“». Показания М. М. Достоевского в следственной комиссии Лемке приписал почему-то Ф. М. Достоевскому и смешал статью «Пожары» с опубликованной в «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 г.» статьей «Пожары и зажигатели», которую позднее, в полной уверенности, что она принадлежит Ф. М. Достоевскому, перепечатал в приложении к своей книге «Политические процессы в России в 1860-х годах». На наш взгляд, Лемке, спутав статьи, невольно допустил и третью ошибку, написав в примечании: «Приводимая статья, написанная в июне 1862 г. для журнала „Время“, имеет двойкий интерес: как еще одно произведение изломанного самодержавием писателя и как показатель громадного поворота, совершенного фюреристом 1840-х годов к „почвенному“ консерватизму 1860-х»¹⁰⁵. Публикуемые ниже статьи и в особенности статья «Пожары» написаны с такой страстностью и мужеством, с которым никто не посмел выступить в тот момент. Даже смелая статья «Искры», местами, повторяющая высказывание запрещенных статей «Времени», написана была не в конце мая, а 15 июня, когда правительство уже было склонно к затушевыванию вопроса о виновности студенчества и левых элементов.

Публикуя отрывки из запрещенной статьи «Пожары», Козьмин приводил отношение III Отделения в комиссию Голицына, в которой автор именовался «известным литератором Достоевским», и не пояснялось, кого из двух братьев Достоевских имеет в виду III Отделение¹⁰⁶. Козьмин считал, что «известным литератором» могли называть и М. М. Достоевского, хотя Ф. М. Достоевский и имел на это больше прав, но что не этим решается вопрос об авторстве, и что статью «Пожары» можно приписать скорее перу Ф. М. Достоевского, чем его брата: за авторство Ф. М. Достоевского говорит и содержание статьи, и ее стиль. Еще одно основание считать автором Ф. М. Достоевского Козьмин видел в том, что в эти годы писатель, как известно, поместил в журнале «Время» ряд своих публицистических статей, откликавшихся на события, волновавшие общество¹⁰⁷.

Козьмин, говоря о вызове «известного литератора Достоевского» в следственную комиссию, писал: «Решили пригласить Михаила Достоевского»¹⁰⁸. Вот тут, по нашему мнению, дело обстояло несколько иначе. Ведь Михаила Достоевского следственная комиссия допрашивала 8 июня, а Федор Михайлович уехал за границу 7-го утром. Кого же, кроме Михаила Достоевского, могли вызвать?

Томашевский, перепечатывая опубликованные Козьминым отрывки из статьи «Пожары», держался мнения, что «титул „известный литератор“ в канцелярском употреблении мог прилагаться к каждому из братьев», но в то же время отмечает, что эти отрывки находятся в согласии с высказываниями Ф. М. Достоевского по подобным вопросам, и ссылался на «Одну из современных фальшей» и «Старину о петрашевцах» (XIII, 612—613).

Что может служить в пользу признания Ф. М. Достоевского автором статей?

Козьмин, публикуя отрывки из статьи «Пожары», подчеркивал, что «золотушные школьники и старцы со старобабьим умом, пачкающие белье», выдают перо Ф. М.»¹⁰⁹. А ведь в не известной ранее части статьи «Пожары» имеются и другие места, заставляющие думать об авторстве Ф. М. Достоевского. Разве, например, не характерна для него фраза о студентах: «...Потрудитесь прежде всего различать: большинство или меньшинство на стороне этих удивительных вещей. Не есть ли искомая величина самая малая часть огромного целого; не есть ли это один прыщ, за существование которого ни в каком случае не должно подозреваться здоровье целого тела...»

Ряд свидетелей говорит о сильной тревоге и чрезвычайной взволнованности, охватившей Ф. М. Достоевского в эти дни, что, на наш взгляд, выразилось в той страстности, с которой написана статья. Не просто было, говоря о слухах, писать тогда: «В народ подозрение перешло от самого общества, скажете вы. Следовательно мы не виноваты в этих слухах? Разумеется нет, и общество не виновато, но виноваты те, которые поддерживают и утверждают в обществе такие слухи...» И кто, кроме него, решился бы, требуя гласного суда, сказать: «Тогда, пожалуй, лягут такие новые факты, каких никогда не добилась бы какая-нибудь канцелярия, — такие помощники в общем деле, которые никогда не раскрыли бы рта, чтоб дать материал для новых канцелярских тайн?»

Следственная комиссия обратила особое внимание на те отрывки, в которых говорится о «золотушных школьниках», выпустивших прокламацию, и о «старцах со старобабьим умом», испугавшихся ее. Это дало возможность Козьмину очень метко сказать, что члены следственной комиссии «мало чем отличались от тех старцев со старобабьим умом». Неопубликованная часть статьи «Пожары» написана еще более резко, чем отрывки, заинтересовавшие следственную комиссию. Об этом говорят и отчеркнутые на полях карандашом — надо думать, царем — строки.

Даже после того как первая статья была запрещена и в цензуру послана вторая, более сдержанная, даже и в ней, помимо настойчивого требования гласного суда, автор резко осуждал нелепые слухи, повторяемые к тому же низшими полицейскими властями, отвергал возможность того, что «пожары имеют что-нибудь общее с политическим движением», и заканчивал статью словами: «Мы положительно протестуем против невежественных обвинений, ни на чем не основанных. Пусть докажут нам фактами, что мы ошибаемся». Вторую статью постигла судьба первой.

То обстоятельство, что статья «Пожары» была правлена (гранки 2-й статьи не имеют правки) и один небольшой абзац, чисто финансового характера, добавлен рукой М. М. Достоевского, усиливает, конечно, неопределенность авторства, но не следует при этом упускать из виду и того, что писал о брате Ф. М. Достоевский в заметке «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском». Он свидетельствовал, что тот «был человек <...> никому не доверявший даже на время своих редакторских обязанностей» и что «писал в журнале мало; всего было только несколько статей его, в отделении критики» (XIII, 341—342)¹¹⁰.

В пользу авторства Ф. М. Достоевского говорит и быстрота, с которой была написана статья «Пожары». В начале статьи имеется фраза: «На другой и на третий день после 28 числа были новые пожары». Следовательно, статья была начата не ранее 31 мая и в тот же день закончена, так как 1 июня она, правленная редактором, была запрещена цензурой.

7 июня Достоевский уехал за границу, в конце месяца он был в Лондоне, где был свыше недели и встретился с Герценом. Об этом свидании Лемке писал: «Достоевский сам указал на свое посещение Герцена в „Дневнике писателя“, но так кратко и отрывочно, что и цель и содержание их беседы остаются неясными»¹¹¹. Одно несомненно. Петербургские пожары не могли не быть затронуты в их беседах. Достоевский только что был свидетелем их, Герцена в них обвиняли. Не мог выпасть из их бесед и вопрос о прокламации «Молодая Россия», о которой Герцен подробно писал вскоре после отъезда из Лондона Достоевского в статье «Молодая и старая Россия». Характерно сходство некоторых высказываний Герцена с заявлениями редакции «Времени». Разве «„молодые люди“» (а для нас не подлежит сомнению, что летучий лист этот писан очень мо-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»Автобиография С. М. Шор,
1935

Собрание художницы, Москва

лодыми людьми)» Герцена не напоминают «трех золотушных школьничков, из которых старшему уже наверно не более тринадцати лет». А фраза «Маловерные, слабые люди! Как мало надобно вашим женским нервам, чтобы испугаться, бежать назад, схватиться за фалду квартального» не вторят ли с некоторым изменением фразе о «хилых старцах в подагре и хирагре с старобабым умом, переменявших по прочтении глупого листка свое белье»? Наконец, мнение Герцена, что прокламация «вовсе не русская; это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции»¹¹², не схоже разве с мнением Достоевского, что прокламацию напечатали, «не справившись даже хорошо с иностранными книжками, откудава они все выкрали и бездарно перековеркали»? Неужели все эти совпадения дело случая, а не результат бесед Герцена с Достоевским? И не служат ли эти совпадения еще одним косвенным доказательством того, что автором двух запрещенных статей был Ф. М. Достоевский?

Суммируем все, что говорит за авторство Ф. М. Достоевского. Это в первую очередь его перо, язвительная ироничность и острота его стиля, взволнованность, страстность, а отчасти быстрота, с которой была написана статья, столь характерные для Ф. М. Достоевского. Во-вторых, содержание, находящееся, как это уже отмечалось Томашевским, в согласии с другими высказываниями Ф. М. Достоевского. В-третьих, имеющиеся у нас сведения, что в эти годы Ф. М. Достоевский написал для журнала «Время» ряд публицистических статей, откликнувшихся на события, волновавшие общество, и сведения, что М. М. Достоевский был лишь автором нескольких критических статей. Добавим к этому некоторую близость статьи Герцена «Молодая и старая Россия», написанной вскоре после встреч с Достоевским, с запрещенными статьями «Времени», и, нам думается, что вопрос об авторстве может быть решен в пользу

Ф. М. Достоевского. Мы, конечно, не отвергаем возможности некоторого участия М. М. Достоевского в написании запрещенных статей. За это говорит и небольшой абзац по финансовому вопросу, внесенный его рукой в конце статьи «Пожары».

Независимо от всего за М. М. Достоевским следует признать высокое мужество, позволившее ему попытаться опубликовать подобную статью в те страшные дни. Вспомним слова Ф. М. Достоевского о покойном брате: «Выбор вопросов, о которых именно теперь нужно бы говорить и о чем журналу надо дать свое мнение, — все это вполне принадлежало самому Михаилу Михайловичу» (XIII, 341).

Публикуя две запрещенные статьи журнала «Время», мы не можем не коснуться недозволенной тогда же статьи «Пожары и зажигатели», которую, считая ее принадлежащей Достоевскому, Лемке перепечатал в приложении к книге «Политические процессы 60-х годов», и к которой потому вынуждены с тех пор возвращаться исследователи, говоря о запрещенных статьях Достоевского. Козьмин, подчеркнув, что ни одна из запрещенных статей не может быть отождествлена со статьей «Пожары и зажигатели», все же нехотя, с оговорками, допустил возможность того, что автором ее мог быть Ф. М. Достоевский. При этом он исходил из ряда схожих высказываний и выражений в статье «Пожары и зажигатели» с извлечениями из статьи «Пожары»¹¹³. В. Л. Комарович в 1925 г. высказал мнение, что «авторство Достоевского в отношении статьи „Пожары и зажигатели“ сомнительно», а в 1934 г. в статье «Литературное наследство Достоевского за годы революции» решительно отверг авторство Ф. М. Достоевского¹¹⁴. Отрицал авторство Достоевского и Рейсер¹¹⁵. Не нашел также возможным считать эту статью принадлежащей перу Достоевского Томашевский, указавший, что целый ряд приводимых в статье об авторе биографических данных противоречит биографии Достоевского (XIII, 612—613). Нам кажется, что известное сходство ряда высказываний статей «Пожары и зажигатели» и «Пожары» не должно в какой-либо мере влиять на решение вопроса. Однородных мнений о прокламации «Молодая Россия», о клевете, возведенной на студенчество в том, что поджоги были не в интересах революционных кругов и т. д., могли держаться разные авторы. Если говорить о совпадениях, то статья «По поводу пожара в Миюзском лесном ряду 24 мая» того же «Сборника статей, недозволенных цензурою в 1862 г.» (т. II, стр. 427—430) местами почти совпадает с тем, что писал Достоевский в статье «Пожары», и все же эту статью писал не Достоевский. Резкое отличие стиля нам представляется более существенным, чем известное сходство мнений. К тому же нет никаких указаний на то, что Достоевский написал и третью статью о пожарах.

Говоря о запрещенных в июне 1862 г. статьях «Времени», нельзя не остановиться на эпизоде, тесно связанном с тогдашними мыслями и чувствами Достоевского, приведшими его к Чернышевскому. Противоречия между тем, что будто бы, по словам Чернышевского, говорил при встрече Достоевский, и тем, о чем вспомнил позднее последний и о чем говорилось в статье «Пожары», столь разительны, что оставить их без внимания и выяснения нельзя.

В мае 1888 г. Чернышевский вспомнил свои встречи с Достоевским в заметке: «Мои свидания с Ф. М. Достоевским»¹¹⁶. Комментатор сочинений Чернышевского допускает возможность того, что Чернышевский написал ответ на воспоминания Достоевского о встречах с ним («Дневник писателя» за 1873 г. — «Нечто личное»), где Достоевский, подчеркивая взаимное расположение обоих, хотел этим покончить со слухами о том, что он в свое время в повести «Крокодил» якобы посмеялся над Чернышевским. Комментатор отмечает ошибочно указанный в воспоминаниях Достоевского отъезд в Москву (вместо отъезда за границу), приводит ничего не говорящее свидетельство Страхова, что у Достоевского во время пожаров «тяжелое настроение не проходило»¹¹⁷, что было естественно для всех жителей Петербурга в те дни, а не только для Достоевского, и все это комментатор указывает лишь для того, чтобы укрепить в читателе веру в точность воспоминаний Чернышевского и недостоверность таковых Достоевского. К этой же цели стремится и комментатор «Литературного наследия», т. III, говоря, что «рассказ Достоевского явно не точен» и «очень субъективный»¹¹⁸. Следует отметить, что в литературе широко распространилась версия Чернышевского.

Воспоминания Чернышевского и Достоевского полны противоречий: мелких — второстепенных и крупных — решающих, и если внимательнее взглянуть в них, то становится почти несомненным, что версия Достоевского ближе к истине. Окончательно решает вопрос статья «Пожары», написанная в день встречи.

Дело не в том, что Чернышевский вспоминал, что пришедшего к нему Достоевского он узнал по портрету, а Достоевский свидетельствует, что они неоднократно встречались и разговаривали уже с 1859 г.; не в том, сколько пробыл Достоевский у Чернышевского: несколько ли часов, по определению Чернышевского, или, как вспоминал Достоевский, в самом начале беседы «позволил другой гость <...> я уехал»; не в том, прибежал ли Достоевский утром в панике, как вспоминал Чернышевский и повторяют исследователи, или, по рассказу Достоевского, пришел к концу дня и был спокоен. Важно, наконец, не то, что Достоевский будто бы, с известными комментатору целями, подчеркивает взаимное расположение, а Чернышевский многократно отмечает свое недружелюбное отношение к Достоевскому, выставляя последнего в комическом виде, вспоминая, что тот говорил потом, забыв о пожарах, часа два, а я «делал вид, что слушаю», что при ответном посещении Достоевского он просидел «сколько требовала учтивость», т. е. не так, как поступил Достоевский, и что Достоевский «говорил что-то в этом роде», а я «слушал, не противоречил, не выражал одобрения» и т. д. Даже в памяти В. Н. Шаганова рассказ Чернышевского о приходе к нему Достоевского запечатлелся в виде «потешного анекдота», хотя и тут имеется известное противоречие, свидетельствующее о неточности воспоминаний Чернышевского. Шаганов, вспоминая рассказ Чернышевского, писал о Достоевском: «Он ничему верить не хотел и, кажется, с этим неверием, с отчаянием в душе убежал обратно»¹¹⁹. Похоже ли это на то, как описывал встречу Чернышевский: «Он схватил меня за руку, тискал ее, насколько доставало у него силы, произнося задыхающимся от радостного волнения голосом восторженные выражения личной его благодарности мне за то, что я по уважению к нему избавляю Петербург от судьбы быть сожженным...»

Еще раз повторяем, что все перечисленные расхождения имеют второстепенное значение, главное же то, что из публикуемой ныне статьи «Пожары» непреложно вытекает, что разговор шел не о поджогах, а о прокламации, и Достоевский просил Чернышевского воздействовать на революционные круги, чтобы удержать их от прокламаций, подобных «Молодой России», а не от поджогов, как вспоминал Чернышевский.

Когда Достоевский был у Чернышевского? Последний сам дает возможность уточнить дату: «Через несколько дней после пожара, истребившего Толкучий рынок», а о посещении им Достоевского он пишет: «через неделю или полторы». Пожар рынка начался 28 мая к вечеру и длился два дня. Следовательно, быть у Чернышевского Достоевский мог лишь 30—31 мая, вернее 31-го, т. е. в тот самый день, когда, как мы уже установили, была написана статья «Пожары», которая сходится с тем, о чем он, по его воспоминаниям, говорил Чернышевскому, и находится в полном противоречии с рассказом последнего. «Эта прокламация в то утро как бы ошеломила меня...», — вспоминал Достоевский и с ней-то он и пришел к Чернышевскому, прося воздействовать на выпускающих такие прокламации, настаивая, что «их надо остановить во что бы то ни стало».

Достоевский подчеркивает: «Долгом считаю заметить, что с Чернышевским я говорил искренно <...> я убежден, что сам Чернышевский подтвердит точность моего рассказа о нашей встрече, если когда-нибудь прочтет его». Мог ли Достоевский просить Чернышевского воздействовать на революционные круги, будто бы виновные в поджогах, когда в редакционной статье «Пожары» выражалась совсем иная точка зрения: «доказано ли <...> что люди, производящие поджоги, в связи с „Молодой Россией“?» и что «они в этом случае очутились бы в положении человека, желающего гладить своего друга по голове железной рукавицей, утыканной гвоздями», а во второй статье, написанной через день, делалось уточнение: «мы положительно отвергаем», что «эти пожары имеют что-нибудь общее с политическим движением».

Остановить прокламации, подобные «Молодой России», а не поджоги, просил Достоевский Чернышевского. И так ли смешна была просьба Достоевского? Так ли не

прав он был, придя с этой просьбой именно к Чернышевскому? Разве посылка Чернышевским Слепцова в Москву с целью воздействовать на издателей «Молодой России», чтобы они предприняли какие-нибудь шаги для смягчения впечатления от некоторых излишних пунктов требований прокламации¹²⁰, не есть именно то, о чем Достоевский просил Чернышевского? А прокламация «Предостережение», которая не вышла только потому, что была в рукописи забрана при обыске у П. Д. Баллода, если и не является, как это считал Баллод, в какой-то степени результатом поездки в Москву Слепцова и Утина¹²¹, то разве она не могла быть вызвана именно тем, что Достоевский выразил в словах: «Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдет до них»? А обращение «К нашим лучшим друзьям», которое готовил Чернышевский и которое не вышло из-за его скорого ареста, не подчеркивало ли самим словом «лучшим» известную близость при различии взглядов с авторами «Молодой России»? И не носили ли ответы Чернышевского, как их запомнил Достоевский, особенно вначале, тактический характер? «— Николай Гаврилович, что это такое? — вынул я прокламацию. Он взял ее как совсем не знакомую ему вещь и прочел» <...>— Ну что же?— спросил он с легкой улыбкой. — Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя остановить их и прекратить эту мерзость? Он чрезвычайно веско и внушительно отвечал; — Неужели вы предполагаете, что я солидарен с вами, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?— Именно не предполагал,— отвечал я, — и даже считаю ненужным вас в этом уверять. Но во всяком случае их надо остановить во что бы то ни стало. Ваше слово для них веско и уж, конечно, они боятся Вашего мнения. — Я никого из них не знаю.— Уверен и в этом. Но вовсе и не нужно их знать и говорить с ними лично». (XI, 25). Но это уже выходит за рамки нашей темы и не подлежит нашему рассмотрению. Одно следует считать установленным, что не о поджогах, а о прокламации шла речь в беседе Достоевского с Чернышевским, и уже пора снять с этой беседы тот налет комизма, в котором предстают в рассказе Чернышевского приход, поведение, просьбы Достоевского.

Запрещенные статьи и приход к Чернышевскому явления одного порядка: оба они вызваны высоким гуманным чувством, тревогой за подозреваемых. В опасности была судьба юношества, и Достоевский молчать не мог. Было бы странно требовать от него согласия с программой «Молодой России», которую и Пантелеев называл «порывом увлечения горячих голов»¹²², и Баллод, говоря о впечатлении, произведенном на его товарищей прокламацией, свидетельствовал, что «большая часть из них находила, что М. Р. хватила через край»¹²³, и Бакунин сперва осуждал «Молодую Россию» и только в 1868 г. на Бернском конгрессе Лиги мира встал на ее защиту¹²⁴. Правда, Достоевский называл «Молодую Россию», «глупейшим листком», но за оклеветанных он выступил прямо и твердо, не думая о последствиях. В запрещенных статьях нет и следа того «отпечатка <...> нейтральности», который, по словам В. В. Ермилова, лежит на произведениях Достоевского конца 50-х—начала 60-х годов¹²⁵. В статье «Пожары» он высказал все, что считал нужным сказать, и вряд ли «Современник» и «Русское слово», если бы даже они и не были приостановлены, могли бы что-либо добавить.

Статья «Пожары» дает возможность глубже и точнее понять позицию Достоевского в начале 1860-х годов.

Кончились пожары, затихли толки, постепенно перестала писать о пожарах и пресса, составил свой убийственный для властей отчет Суворов, и лишь один Валуев, вопреки тому, что обнаружилось и что он и ранее знал о невинности левых в поджогах, продолжал свою грязную игру. В 1864 г. он во всеподданнейшем докладе, касаясь петербургских пожаров 1862 г., писал: «...Ясно было, что пожары происходили от поджогов. Не менее явною казалась связь между поджигателями, старавшимися распространить смятение и неудовольствие в народе путем материальных опустошений, и теми другими преступниками, которые усиливались возжечь нравственный пожар правительственного и социального переворота. Несмотря на неудачу или неполный успех полицейских исследований, здравый смысл народа не усумнился в этой связи»¹²⁶.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ

«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

Рисунок Л. Н. Ратнер, 1971

Москва

В начале нашей статьи мы писали о двух вопросах, которые неизбежно встают перед исследователями причин петербургских пожаров 1862 г.: носили ли поджоги индивидуальный или организованный характер, и если были организованы, то кем? К каким же выводам мы пришли?

Единичные поджоги с корыстной целью, несомненно, были. О них говорит в своем отчете Суворов и свидетельствуют материалы, сохранившиеся в делах департамента полиции исполнительной; о корыстных поджогах писал в своем дневнике В. Ф. Одоевский¹²⁷, вспоминал И. Е. Андреевский¹²⁸.

Могли ли быть совершены отдельные поджоги представителями революционных кругов? Кропоткин допускал возможность возникновения подобных намерений «в голове единичных представителей революционного лагеря»¹²⁹, но тут же рассказом о смерти сенатора Жданова давал понять, что не в этой среде следует искать поджигателей¹³⁰. К тому же жечь Петербург революционным элементам было явно не выгодно, а тем более сейчас же после появления «Молодой России». Это подчеркивалось в статье «Пожары», об этом писала «Искра», отмечала и запрещенная статья «Пожары и зажигатели». Об этом говорят и слова Кельсеева в его «Исповеди»: «Они нам крепко досадили»¹³¹.

Вот и все, что можно сказать о единичных поджогах; ясно, что не они вызвали те страшные, почти единовременные массовые пожары в Петербурге и провинции, которые наполнили население таким ужасом. Следовательно, кроме единичных пожаров, были несомненно и организованные. Кем? Следы как будто ведут к властям, но будем объективны и перечислим все то, что может в какой-либо мере служить в пользу подозреваемых.

Об единичных поджогах мы уже сказали. Есть еще одно, о чем вспоминают все современники, — это ветер, бушевавший в дни, когда горел Апраксин двор¹³². Ветер мог несколько расширить размеры пожара, но пожар этот был лишь одним из многих.

Наконец, последнее, что может говорить в пользу властей, это те неизбежные финансовые затруднения, которые не могут не вызывать массовые пожары. К тому же в данном случае пожары временами принимали размеры, которые независимо от любых соображений, были властям нежелательны¹³³.

Вот и все, что можно привести в защиту властей: единичные поджоги в корыстных целях и ...ветер. Немного! Все это, естественно, не могло вылиться в «пожарную стихию»

1862 г. Что же касается неизбежных финансовых и других затруднений, то поставленные цели их с лихвой перекрывали.

Посмотрим теперь, что говорит не в пользу властей: страна была накануне восстания, в опасности был не только режим, но и династия. Правительству необходимо было сломить революционное движение, опередить его. Главное затруднение заключалось в том, что все слои населения были недовольны режимом, правительство не имело среди них точки опоры. Единственным выходом было быстро, любым способом вырвать массы из-под революционного влияния, перетянуть на свою сторону. Такой цели могли служить пожары. Показать народу, что они и связанные с ними бедствия — это и есть пути революции, заставить отшатнуться от нее, борьбой с виновниками этих бедствий завоевать утерянный авторитет — было очень соблазнительно. Имелся в этом, конечно, и риск, но медлить было еще более рискованно. Дальнейшее подтвердило «правильность» такого пути.

Недостаточно было организовать пожары, необходимо было еще убедить всех, что жгут «левые». В этом отношении правительство сделало все возможное: инспирированная пресса выступила с обвинениями революционеров и студентов в поджогах, связывая пожары с прокламацией «Молодая Россия»; наиболее резкие статьи по указанию властей перепечатывались в других органах ¹³⁴, к распространению клеветы были привлечены и инспирированные III Отделением западноевропейские издания, начата была и яростно велась кампания против Герцена, в ход были пущены гравюры и литографии, изображающие петербургские пожары и указывающие на «западных пропагандистов» как на виновников их. К распространению слухов была, как об этом свидетельствуют многие современники, привлечена и полиция. Этому же служило и огромное число подметных писем, частично даже на французском языке, которые могли идти только сверху ¹³⁵. Оттуда же, очевидно, ползли слухи о причастности к поджогам Чернышевского ¹³⁶ и о попытках отравить царскую семью и др. Использованы были все средства. Клевету требовалось не только возможно шире распространить, но и не дать ослабить ее. И для этого было сделано все возможное: официальная реабилитация студенчества была отклонена, от населения скрыли, что аресты не дали никаких результатов, проект обращения к населению о результатах следствия опубликован не был ¹³⁷, были запрещены все статьи, пытавшиеся оправдать и защитить невинно оклеветанных, в том числе обе статьи «Времени», которые Голицыным были охарактеризованы как служащие «к осуждению действий правительства», но которые — в особенности вторая — стремились в основном оправдать студенчество, доказать, что пожары не имеют никакого отношения к политическому движению, добиться гласного суда. Очевидно, правительство в этом именно и видело «осуждение», так как если жгут не «левые», то кто же? Не власти ли сами? Даже слухами о том, что поджигают помещики, правительство было крайне недовольно ¹³⁸. Все внимание должно было быть обращено на левые круги — они виновники; только слухи, обвиняющие их, поощрялись властями. Следовательно, слухи делились на выгодные и не выгодные для правительства.

Несмотря на все принятые меры — аресты, обыски, «изнурительные» допросы ¹³⁹, использование лжесвидетелей и др., — ни одному представителю левых кругов предъявить обвинения не удалось. И то, что виновность их доказать не удастся, стало правительству ясно в первые же дни после пожаров. Как свидетельствует И. Е. Андреевский, Суворов лишь «несколько дней находился под сильным давлением этой мысли, что это — политические поджоги» ¹⁴⁰, и все же правительство продолжало клеветническую кампанию, а Валуев и в дальнейшие годы неоднократно поддерживал эту давно опровергнутую жизнью версию.

Таков обширный материал, свидетельствующий против правительства и заставляющий считать власти — и в первую очередь Валуева — в какой-то мере причастными к поджогам. У нас нет прямых доказательств и неизвестно, будут ли они когда-нибудь найдены, но косвенные столь многочисленны и столь весомы, что подозрение граничит с уверенностью, и прав был Ф. М. Достоевский, отрицавший виновность студентов-революционеров, упрекавший «сваливающих страшную беду на молодое поколение», отвергавший связь между политическим движением и пожарами, между «Молодой Россией» и поджогами, намскавший на «некоторые указания» и «подземные (...)

«БЕЛЫЕ НОЧИ»

Титульный лист издания на венгерском языке (Будапешт, б. г.)

старания» и, очевидно, только обстоятельствами вынужденный умолчать о том, что мог позволить себе сказать Герцен: «Зажигателей вне полиции не нашли—а в полиции не искали... Не попробовать ли?»¹⁴¹

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Герцен, т. XVI, стр. 262 (Четвертый запрос от издателей «Колокола»).
- ² «Политические процессы 60-х годов», ч. 1. М., ГИЗ, 1923, стр. 107—108.
- ³ П. Кропоткин. Записки революционера. М.—Л., «Academia», 1933, стр. 109.
- ⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, т. XV. Пб., 1920, стр. 224—225 (далее сокращенно: Псс Герцена).
- ⁵ «Красный архив», т. III, 1923, стр. 240—242.
- ⁶ «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 79—109.
- ⁷ С. А. Рейсер. Артур Бенни. М., 1933.
- ⁸ «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 91.
- ⁹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 287.
- ¹⁰ «Наше время», 1862, № 122, 9 июня («К редактору газеты»).
- ¹¹ Уже в 1861 г. ставился вопрос о заграничных русских журналах, которые должны были бы «согласовать обоюдные разномыслия правительства и общественного мнения» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 678).
- ¹² «Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы». Ред. и прим. Н. А. Алексеева. Саратов, 1939, стр. 12.
- ¹³ Б. П. Козьмин. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М., 1932, стр. 113.
- ¹⁴ П. Кропоткин. Записки революционера, стр. 108.
- ¹⁵ Там же, стр. 109.
- ¹⁶ «Северная пчела», «Наше время», «Journal de St. Pétersbourg» и др.
- ¹⁷ «Современная летопись» «Русского вестника» № 20, 16 мая; № 23, 6 июня; «Русский вестник», июнь — «Заметка для издателя „Колокола“»; «Русский вестник», сентябрь — «Новые подвиги наших лондонских агитаторов» (за подписью Д. П.) — Герцен. Письмо гг. Каткову и Леонтьеву, 10 июня (Герцен, т. XVI, стр. 212—213); «Дурные оружия», 20 июня (там же, стр. 123—126).
- ¹⁸ Псс Герцена, т. XV, стр. 369 («К следствию о пожарах»).
- ¹⁹ Там же, стр. 506 («О поджогах»).
- ²⁰ Герцен, т. XVI, стр. 262.

²¹ Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания прошлого, стр. 276.

²² Примером может служить неизданный дневник 20-летнего В. И. Ламанского, выросшего в консервативной семье и в дальнейшей своей жизни далекого от оппозиционных кругов. 23 сентября 1853 г. он писал: «Несколько месяцев кричали в Европе о Крымской экспедиции, а мы что делали? Кто мы? Николай что в это время делал? <...> Ездил на парады, раздал несколько важных гражданских мест разбойникам, грабителям, жаловал Георгия прусским генералам за вахтпарады и маневры, в Сибирь сослал несколько молодых людей за пару слов. Вот его дела. Насажал вокруг себя ослов; немцев, грабителей, эскуператоров, а не министров <...> Нет, голубчик, если все удачи своих верноподданных присваиваешь себе, возьми себе и гибель флота и потерю Черного моря. На тебя разразится проклятие, злодей ты этакий, ты убивал дух народный, стесняя сколько возможно литературу, науку, тратя казну безо всякого учета на Палермо, на дворцы, на балеты <...> Ты умел воровать, умей же и ответ держать...» (Архив Академии наук СССР, ф. 35, оп. 2, ед. хр. 3, л. 23 об.).

²³ М. В. Н е ч к и н а. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861).— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 467.

²⁴ Там же, стр. 472.

²⁵ 5 марта 1861 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Народ русский слишком разумен, чтоб его мог увлечь один звук слова воля, он хотя и доволен, но очень призадумался, какая это будет воля» (ИРЛИ, 10628.XVc. 25, л. 32. об.).

²⁶ 6 мая 1861 г., вскоре после Бездненского расстрела, В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Бедный, неграмотный народ, который вынес изо всей своей жизни только недоверие ко всем и ко всему, не знает, к кому ему обратиться. Его потрясли во всех его основаниях и он не знает, чему верить и на чем утвердиться» (ИРЛИ, 10628.XVc. 25, л. 61об.).

²⁷ Г е р ц е н, т. XV, стр. 199.

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 170, лл. 1—2.

²⁹ Г е р ц е н, т. XV, стр. 132 («Колокол», 1861, л. 105, 15 августа).

³⁰ Н. В. Ш е л г у н о в. Воспоминания. М.— Пг., 1923, стр. 34.

³¹ В. И. Л е н и н. Гонители земства и аннибалы либерализма.— Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 27.

³² ГПБ, архив Н. К. Шильдера, бумаги кн. В. А. Долгорукова, к. 35, № 1, л. 96—96 об.

³³ 25 сентября 1861 г. М. Г. Карташевская делилась с В. С. Аксаковой: «Пишу тебе <...> посреди страшного беспорядка и хаоса в Петербурге и еще вдобавок после порядочного искуга. Сегодня Сапа сбегает и кричит: „бунт, толпа собралась у Владимирской! Кричат, двинулись войска, полиция...“ Я ужасно перепугалась, мне представились все ужасы кровопролития <...> Я держу Николку и руки у меня дрожат при мысли, что неистовая толпа сейчас ворвется в дом и нас зарежут <...> Все это плоды учения подлеца Герцена...» (ИРЛИ, 10655, XVIc. 12, л. 129).

³⁴ «Лит. наследство», т. 63, стр. 306—310.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 92, лл. 21—22.

³⁶ Там же, ф. 735, оп. 10, ед. хр. 305, л. 284.

³⁷ 24 октября 1861 г. К. Д. Кавелин писал Н. А. Милютину из Петербурга: «Длинно и гадко рассказывать вам то, как два негодяя Путятин и Филиппеус в несколько месяцев погубили университет<...>Теперешний университет не существует более: 350 человек сидит в крепости петербургской и кронштадтской, 100 человек высланы с жагдармами, остальные бежали или считаются студентами, не ходя в университет. И за что все это? Странно подумать, как у этих дураков не дрогнули руки резать целое поколение. Теперь судят студентов за какие-то никому не ведомые преступления, когда надо бы судить министерство, попечителя, Паткуля, Шувалова, Игнатьева...» (ЦГИАЛ, ф. 869, оп. 1, ед. хр. 1142, лл. 89—90 — копия рукой М. А. Милутиной).

³⁸ П. И. В а л е с к а л н. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод. Материалы к биографии. Рига, 1957, стр. 56; Б. П. К о з ь м и н. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», стр. 36.

³⁹ «Из записок сенатора К. Н. Лебедева», т. II.—«Русский архив», 1911, стр. 216.

⁴⁰ Псс Г е р ц е н а, т. XI. Пг., 1919, стр. 266.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 869, оп. 1, ед. хр. 1142, лл. 80—82.— Курсив наш.

⁴² «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 116.

⁴³ «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 11.

⁴⁴ Там же, стр. 17.

⁴⁵ «Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 685—697.

⁴⁶ «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 24.— Любопытно сравнить с тем, что В. С. Аксакова 14 ноября 1861 г. писала о Чернышевском М. Г. Карташевской: «Иван получил замечательное письмо от одного мальчика, кадета из дальних губерний, замечательное по своему откровенному изложению profession de foi, которая есть общая всем не только университетам, всем казенным заведениям на всем пространстве России, всем офицерам, словом, всему что есть молодого, сколько-нибудь вкусившем образо-

вания, profession de foi — Чернышевский, который для них безусловный авторитет» (ИРЛИ, 10628, XVc. 25, л. 124—124 об.).

⁴⁷ Псс Герцена, т. XV, стр. 224—225. Сохранилось письмо Головнина к Валуеву 17 мая 1862 г., «*roug vous seul*», в котором Головнин сообщал: «...Следуя системе постепенного введения большей и большей строгости к цензуре, я дошел до того момента, когда должны начаться чувствительные взыскания, т. е. увольнение цензоров и прекращения журналов. Благоволите обратить внимание на циркуляры мои № 7 и 8, которые получите на этой неделе. Они будут разосланы и сделаются известны цензорам и редакциям в течение 10 дней. С того времени благоволите приказывать вашим наблюдателям обращать внимание не только на частные случаи упущений, но на общее направление, *какое примут* главные журналы и газеты, дабы за общее вредное направление подвергнуть запрещению. Очень буду вам благодарен и более и более понимаю, что без вашего содействия один я не мог бы ничего сделать» (ЦГИАЛ, ф. 908, карт. 61, л. 30).

Нам пока не известны подробности о роли Головнина в деле запрещения статей «Времени» о пожарах, но сохранившаяся чрезвычайно любопытная докладная записка его царю 8 августа 1862 г., являющаяся, по-видимому, откликом на запрещение «Дня», а, может быть, связанная со статьей А. Бенни в № 203 «Северной пчелы» (направленной против катковской «Заметки для издателя „Колокола“»), бросает яркий свет на скрытую тогда от многих действительную роль Головнина в те годы. Головнин писал: «Считаю долгом всеподданнейше представить вашему императорскому величеству описание любопытного случая, бывшего на днях в Пруссии, где на основании существующего закона посажен в тюрьму редактор одной газеты за то, что отказался объявить имя автора напечатанной статьи» (ГПБ, ф. Головнина, № 100, л. 223). На докладной записке Головнина красуется в своем роде не менее характерная резолюция царя: «Хорошо бы подобный закон вести и у нас».

Недаром К. Д. Кавелин 13/25 июля 1862 г. писал Н. А. Милютину о Головнине: ««Егор» Ков^алевский» меня предостерегал, говоря, что ему доверять нельзя, что он хитрит, плурует и пр.» (ЦГИАЛ, ф. 869, оп. 1, ед. хр. 1147, л. 117 об.).

⁴⁸ Е. А. Ш т а к е н ш е й д е р. Дневник и записки. М.— Л., 1934, стр. 306.

⁴⁹ «Северная пчела», 1862, № 143, 30 мая (статья Лескова); «St.-Peterburger Zeitung», 1862, № 114, 30 мая.

⁵⁰ «Наше время», 1862, № 118, 5 июня («Письмо Петербургского старожила»); № 112, 9 июня («К редактору газеты»).

⁵¹ Б. П. К о з ь м и н. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», стр. 108.

⁵² «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 450.

⁵³ Псс Герцена, т. XV, стр. 331—332.

⁵⁴ М. Н. П о к р о в с к и й. Русская история с древнейших времен, т. IV, 1934, стр. 137.

⁵⁵ Псс Герцена, т. XV, стр. 223.

⁵⁶ Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания, стр. 280.

⁵⁷ П. И. В а л е с к а л н. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод, стр. 57.

⁵⁸ А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. II. Л., 1955, стр. 274.

⁵⁹ Следует отметить, что в редактируемой Никитенко «Северной почте» не появилось ни одной заметки, в которой был бы хотя намек на виновность левых элементов в поджогах. В №№ 115, 116 и 121 от 30 и 31 мая и 6 июня печатались лишь краткие сообщения о пожарах и распоряжения; в № 134 от 21 июня была перепечатана статья из «Journal de St.-Petersbourg» от 18—19 июня, № 136, в которой иностранные читатели предостерегались от «преувеличенных заключений». — 3 июня Никитенко записал в дневнике: «Утром у товарища министра (...) Просил и его доставить кое-какие факты о пожаре: иначе мы не можем ничего напечатать. Обещал» (т. II, стр. 277). Не было ли согласие министра на просьбу Никитенко освободить его от звания главного редактора связано с тем, что он настаивал на получении фактов о пожарах и, не получая таковых, воздерживался от освещения их в желательном для министерства духе?

⁶⁰ «Лит. наследство», т. 67, стр. 688, 696—697.

⁶¹ А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. II, стр. 276 и 278.

⁶² П. И. В а л е с к а л н. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод, стр. 134.

⁶³ ЦГИАЛ, ф. 908, карт. 62, лл. 10—11. Оригинал по-французски.

⁶⁴ Псс Герцена, т. XV, стр. 338—339.

⁶⁵ «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 197.

⁶⁶ ИРЛИ, 10656, XVIc. 12, л. 54—54 об.

⁶⁷ Андрей Николаевич — Маркевич.

⁶⁸ ИРЛИ, 10656, XVIc. 12, лл. 56—58 об. — Отвечая 11 июня на письмо М. Г. Карташевской от 3 июня, В. С. Аксакова писала: «Радуюсь, что вы уже в деревне. Что за ужасы у вас делаются. Какие отвратительные замыслы; конечно, и Герцен с компанией не безгрешны в этом деле, но зачинщиков можно искать вам и поближе, в самом

* «только для вас» (франц.).

Петербурге, и в лицах, далеко выше стоящих Петрашевского, а между тем они-то и торжествуют и направление, породившее все эти ужасы...» (ИРЛИ, 10629, XVc, 26, л. 42).

⁶⁹ «Русский архив», 1899, № 8, стр. 594.

⁷⁰ ИРЛИ, 10656, XVIc. 12, лл. 60—61.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 908, к. 62, л. 12. Оригинал по-французски.

⁷² «Кагорга и сыбка», 1932, № 10, стр. 101—102.

⁷³ ГПБ, ф. Головнина, № 100, л. 80—80 об.

⁷⁴ Там же, лл. 81—84.

⁷⁵ Там же, лл. 85—86.

⁷⁶ «Красный архив», 1927, № 22 («Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского»), стр. 219.

⁷⁷ «Искра», 1862, № 22, 15 июня.

⁷⁸ «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 36.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1 (93), ед. хр. 41, лл. 42—44.

⁸⁰ Там же, лл. 37—41.

⁸¹ О дальнейшей судьбе Викторова, о жизни его в Сибири см.: П. И. В а л е с к а л н. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод, стр. 237.

⁸² Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX. СПб., 1905, стр. 129.

⁸³ «Русский архив», 1899, № 8, стр. 594.

⁸⁴ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 11—12 (письмо 8 июня 1862 г.).

⁸⁵ Псс Герцена, т. XI, стр. 202. 13/25 июля Кавелин из Карлсруэ писал Н. А. Милютину: «Случайно узнав, что Ковалевский Егор в Бадене, я запиской просил навесить меня, что он самым любезным образом и исполнил, и пробыл здесь часа два. Рассказы его так же мало утешительны, как и всех, приезжающих из России: Виктор, уездный учитель в Луге, приговорен к повешению за поджигательство, в котором уличен, и приговор утвержден. Исполнение было приостановлено только для очных ставок с студентом-литовцем (забыл фамилию), против которого есть тоже сильная улика в поджигательстве и который окончательно уличен в печатании и распространении прокламаций. Ненависть народа к студентам так велика, что общество литераторов должно было шить 200 пар партикулярных платьев, только чтоб избавить юношей от побоев на улице. Само общество было в величайшей опасности быть закрытым (...) только благодаря участию Константина Ник(олаевича) и кн. Горчакова удалось отклонить бурю...» (ЦГИАЛ, ф. 869, оп. 1, ед. хр. 1147, л. 117—117 об.—копия рукой М. А. Милютинной).

⁸⁶ В. И. Ламанский писал 2/14 июля 1862 г. Ивану Аксакову: «Не вдаваясь в оптимизм, думаю, однако, что в хорошей, честной молодежи нашей, прогрессивной, пожары произвели сильный раскол. Подлецы, настоящие тушинцы; но когда подумаешь о наших петербургских дураках, то, право, страх берет и сомнение, не усилят ли они еще этих тушинцев?...» (Архив Академии наук СССР, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 1727, л. 52).

⁸⁷ А. А. Краевский, в отличие от большинства, писал Погодину: «...между поджогами и тайной прессой не может быть никакой солидарности. Это я говорил с самого начала пожаров и даже напечатал... Слухов ходит, разумеется, множество, но ни один из них не может иметь основания» (Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды Погодина, кн. XIX, стр. 141).

⁸⁷ Василий Петрович *Полов* (1828—1866). Его статья «История террора», ч. IV, была напечатана в «Русском слове», 1862, май, стр. 1—36.

⁸⁸ ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48, лл. 63 об.—66.

⁸⁹ См. примеч. 75.

⁹⁰ 18 июня 1862 г. Аксаков писал Самарину: «„Современник“ и „Русское слово“ приостановлены на 8 месяцев, все равно что запрещены. Вот страшная ошибка! Теперь нельзя будет полемизировать с ними, ни с направлением их, и каждая книжка этих журналов будет продаваться на вес золота» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48, л. 42 об.). В письме ему же 21—22 июня он добавлял: «Направление „Современника“ от этого несколько не потеряет, напротив, выиграет, и пропаганда будет продолжаться с тою же силой» (л. 54 об.).

⁹¹ ГПБ, собр. А. Н. Пыпина, письма П. Д. Боборыкина к А. Н. Пыпину, 15 января 1873 г.

⁹² Подразумевался, очевидно, в. кн. Константин Николаевич.

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 559, лл. 35—38.

⁹⁴ Псс Герцена, т. XV, стр. 224.

⁹⁵ Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX, стр. 133.

⁹⁶ Там же.— Из последней фразы Толстого о Валуеве; «Если меры, принятые им для сего (обнаружение поджигателей), были неуспешны, в этом виноват не министр внутренних дел, который не был главным распорядителем в этом „деле“. Рейсер в статье «Петербургские пожары 1862 г.» делает вывод, что «Последнее замечание, очень глухое и неясное, дает повод к предположениям, что Толстой знал об истинных винов-

никах поджогов больше, чем им написано» (стр. 103). Возможно, что он и знал, но эти слова следует понимать в том смысле, что «главным распорядителем в этом деле» был не Валуев, а Суворов, и его-то и винит Толстой в неуспехе.

⁹⁷ ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48, л. 54 об.

⁹⁸ «Печать и революция», 1929, кн. 2, стр. 71—72.

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 69, лл. 8—8а.

¹⁰⁰ «Жизнь и труды Достоевского», стр. 114.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 69, лл. 7—9.

¹⁰² Там же, л. 6.— См. также «Жизнь и труды Достоевского» (стр. 115), где приведена строка из ответа Валуева Головнину. Датировка Л. П. Гроссманом этого письма 26-м июня ошибочна. Оно было, очевидно, послано 16 июня, поскольку помета о посылке его сделана Валуевым на письме Головнина от 15-го, да и само мнение Головнина о журнале «Время» было «доведено до высочайшего сведения» 22 июня.

¹⁰³ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 69, лл. 7—9. См. также «Жизнь и труды Достоевского», стр. 115.

¹⁰⁴ Псс Герцена, т. XV, стр. 334.

¹⁰⁵ М. К. Л е м к е. Политические процессы в России 1860-х годов, стр. 624.

¹⁰⁶ Б. П. К о з ь м и н. Братья Достоевские и прокламация «Молодая Россия». — «Печать и революция», 1929, кн. 2, стр. 71.

¹⁰⁷ Там же, стр. 73.

¹⁰⁸ Там же, стр. 72.

¹⁰⁹ Там же, стр. 74.

¹¹⁰ О том, что общее руководство журнала лежало на Ф. М. Достоевском, он указал сам в письме к А. Е. Врангелю 14 апреля 1865 г.: «Ведь и Время я начал, а не брат, я его направлял и я редактировал» («Письма», I, стр. 401).

¹¹¹ Псс Герцена, т. XV, стр. 357. См. также: А. С. Д о л и н и н. Достоевский и Герцен. — «Достоевский. Статьи и материалы», I. Пб., 1922.

¹¹² Г е р ц е н, т. XVI, стр. 200, 202, 203.

¹¹³ «Печать и революция», 1929, кн. 2, стр. 74.

¹¹⁴ В. Л. К о м а р о в и ч. Достоевский. Л., 1925, стр. 54; «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 280.

¹¹⁵ «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 84.

¹¹⁶ Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 777—779.

¹¹⁷ Там же, стр. 819—820.

¹¹⁸ Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Литературное наследие, т. III. М.—Л., 1930, стр. 532—534.

¹¹⁹ В. Н. Ш а г а н о в. Николай Гаврилович Чернышевский в каторге и ссылке. СПб., 1907, стр. 8.

¹²⁰ Псс Герцена, т. XV, стр. 331.

¹²¹ П. И. В а л е с к а л н. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод, стр. 61.

¹²² Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания, стр. 280.

¹²³ П. И. В а л е с к а л н. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод, стр. 56.

¹²⁴ Псс Герцена, т. XV, стр. 333; Б. П. К о з ь м и н. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», стр. 122.

¹²⁵ В. Е р м и л о в. Ф. М. Достоевский. М., 1956, стр. 28.

¹²⁶ Псс Герцена, т. XV, стр. 224.

¹²⁷ «Лит. наследство», т. 22—24, 1935, стр. 159 (запись 18 сентября 1862 г.).

¹²⁸ Воспоминания И. Е. Андреевского «Князь Александр Аркадьевич Суворов». — «Русская старина», 1882, № 5, стр. 538.

¹²⁹ П. К р о п о т к и н. Записки революционера, стр. 109.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ «Лит. наследство», т. 41-42, стр. 344.

¹³² М. Г. Карташевская: «В этот день был не ветер, а просто буря» (см. письмо 3 июня 1862 г.); Никитенко: «Вчера и сегодня ветер ревел и по временам превращался в бурю» (запись в дневнике от 30 мая 1862 г.— т. II, стр. 276); А. Я. Панаева: «Сила ветра была так сильна, что с места пожара взлетали горящие головни и, перелетая через Фонтанку, падали на крыши домов, протолкали гореть, как факелы» («Воспоминания»). М.—Л., 1928, стр. 443). Сенатор М. П. Веселовский в своих неизданных «Записках», говоря о пожаре в Министерстве внутренних дел, писал: «Во время пожара вихрь был так силен, что поднимал дела на воздух, трепал их и отослал некоторые листы за несколько верст...» (ГПБ, т. IV, 861, л. 517 об.).

¹³³ Об этом свидетельствуют две копии докладов Валуева царю 29 и 30 мая 1862 г. о пожаре в здании Министерства внутренних дел. На первом имеются пометы царя: «Крайне грустно» и «Дай бог, чтобы от этого не возникло замешательства и промедление». На втором докладе царь против фразы Валуева: «Осмеливаюсь думать, что в движении дел, имеющих некоторую важность, не произойдет ни замешательства, ни даже медленности» написал: «Дай бог!» (ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции испол-

нительной, № 1286, оп. 23, ед. хр. 1088, лл. 3 и 9). М. П. Веселовский вспоминал: «В доме министерства царствовал хаос. В обгорелых и закопченных комнатах валялись ломаная мебель и груды дел, между которыми бродили чиновники, стараясь разобраться в этом хламе. Учреждена была комиссия для приведения в известность и порядок того, что уцелело...» (ГПБ.— I, IV, 861, л. 517—517 об.).

Нельзя согласиться с Рейсером («Артур Бенни», стр. 56), что слова Кропоткина «в архиве (...) хранились все документы, касавшиеся освобождения крестьян»¹³⁴ можно считать многозначительными. Пожар в здании Министерства внутренних дел не мог быть желательным правительству.

¹³⁴ «Лит. наследство», т. 63, стр. 679.

¹³⁵ В. В. Крестовский. Собр. соч., т. III, Пб., 1904, стр. 281.

¹³⁶ Псс Герцена, т. XV, стр. 370.

¹³⁷ «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 93.

¹³⁸ См. письмо Валугева к Головнину 31 мая 1862 г. (ГПБ, ф. Головнина, № 100, лл. 82—83), а также «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 101—102.

¹³⁹ «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 91.

¹⁴⁰ «Русская старина», 1882, № 5, стр. 538.

¹⁴¹ Герцен, т. XVI, стр. 262.

〈СТАТЬЯ ПЕРВАЯ〉 *

«ПОЖАРЫ» **

Внимание целого Петербурга занято теперь пожарами. С половины мая пожары стали особенно учащаться; в некоторые дни их было по два, по три, а 23 мая было шесть. Наконец, пожар 28 мая в Духов день поднял на ноги целый Петербург. В этот день сгорело: Толкучий рынок, Шукин двор, Министерство внутренних дел, лесные дворы на правой стороне Фонтанки, Щербаков и Чернышев переулки. Задуматься есть над чем. Главная беда майских пожаров в том, что все страшные результаты их обрушились на голову преимущественно недостаточных наших классов, нашего бедного народа. На Охте и в Ямской живут главным образом бедняки, которые не могут приобретать себе *дорогих* помещений в центральных частях города. Толкучий рынок *был* преимущественно народным рынком. Там одевался, ел и пил простой мужик, потому что в Гостином дворе на семь копеек не найдешь себе обеда, и за каких-нибудь пять рублей не купишь себе *одежи*. Тысячи рабочих и торговых людей с пожаром Толкучего рынка и Шукина двора потеряли насущный кусок хлеба.

Но этого мало. Пожары и не думают прекращаться. На другой и на третий день после 28 числа были новые пожары. По два, по три, и даже более на каждый день. Пожары возобновляются с какою-то настойчивостью, и нет причин полагать, чтоб они перестали возобновляться на будущее время.

Ясно дело, что не все пожары произошли *только* от неосторожности. Неслыханное количество их самым естественным образом наводит на мысль об умышленных поджогах. Народ громко говорит о них; толкуют о пойманых мошенниках, о какой-то многочисленной шайке, которая с адскими целями поджигает столицу со всех сторон. Панический страх одолел всех. Каждый жилец, каждый домохозяин только и ждет, что вот-вот в каком-нибудь углу обнаружится пожар.

Кто же, спрашивается, эти поджигатели, мошенники, желающие на несчастье ближнего основать свое собственное счастье, или лучше, тоже несчастье?

* Недавно другая корректура этой же статьи была обнаружена Г. Ф. Коган в Москве, в фонде III Отделения (ЦГАОР) — см. настоящ. том, стр. 585—586. — *Ред.*

** В *верхней части* гранки карандашная надпись *Александра II*: кем написана? На полях *чернилами*: Запрещено 1 июня 1862. На *другой гранке* пометы: «Время» и г-ну цензору 1 мая *ошибочно вместо 1 июня*.

Догадок в народе ходит довольно. Одна из таких, не скажем довольно распространенная, но достоверно существующая, касается нашего молодого поколения, наших бедных студентов. Надеемся, что нам в этом случае позволят быть откровенными: дело слишком важное и затрагивает самые горячие вопросы. Там, где делается самый страшный упрек русскому юношеству, посвятившему себя науке, на которое справедливо возлагаются надежды всей мыслящей России, нельзя молчать. Тут надо разъяснять дело до конца и все выводить на чистую воду. Итак, мы будем объясняться напрямки. В пожарах между прочим обвиняют студентов. И ведь это догадки не в одном только простом народе, а кое-где и в других сферах. Мы даже полагаем, что в народе они появились не сами собою, до них дошел не сам народ, а очень может быть, они перешли в него извне. Очень трудно предположить, что народ ни с того, ни с сего вдруг стал бы подозревать в таком страшном злодеянии студентов. Откуда же, спрашивается, это подозрение?

Недавно вышла возмутительная прокламация и, как все потаенное и запрещенное, прочитана с жадностью. По крайней мере, мы не встречали еще никого, кто не читал бы ее. Излишне было бы говорить, что она возбудила отвращение. Вот и говорят, что люди, напечатавшие «Молодую Россию», способны на все, что они не остановятся ни пред какими средствами, что поджоги — первые симптомы их деятельности. Положим так, хотя они в этом случае очутились бы в положении человека, желающего гладить своего друга по голове железной рукавицей, утыканной гвоздями. Но доказано ли, во-первых, что люди, производящие поджоги, — в связи с «Молодой Россией»... доказано ли, и это самое главное, но особенно важное обстоятельство, что настоящее наше молодое поколение и именно студенты солидарны с «Молодой Россией»? Не отвергаем, что нашлись люди, положительно доказывающие, что «Молодая Россия» принадлежит студентам. Но где эти факты, раскрытые следствием, которые ясно доказывали бы действительную солидарность студентов с подобными явлениями?

Мы понимаем всю естественность того явления, что студенты вообще упали во мнении народа и даже мало мыслящего большинства образованного общества.

Одна часть народа лишена крова, последней одежды, хлеба, другая в ожидании немедленных поджогов представляет себе в перспективе подобное несчастное положение. При всеобщем раздражении, увеличивающемся вместе со страхом за свою, какая там ни есть, собственность — ясное дело общественное мнение ищет поджигателей, и неудивительно, что при некоторых указаниях, причины которых можно искать или в жесточайшем невежестве, или в самом подлейшем, узком своекорыстии и эгоистичных целях, неудивительно говорим, что при подобных указаниях часть общественного мнения останавливается на бедных студентах. Даже [один не официальный, а официальный журнал] одна газета не постыдилась сопоставлением рядом двух статей указать на среду, где *можно бы поискать подобных мошенников*, а эта среда есть та среда, к которой обращается автор статьи в «СПб. ведомостях» «Учиться или не учиться», т. е. студенты. Мы, по крайней мере, *так* поняли две передовых статьи 143 № «Северной пчелы» и очень будем рады, если она *основательно* опровергнет наше недоразумение. Название студента стало теперь не только презренным словом, но даже и небезопасным, потому что в студентах, *некогда ратовавших против личной свободы, данной крестьянам 19 февраля, а теперь выжигающих народ*, он видит самых злейших своих и общих врагов. Для того, кто может скрыть свое студенчество под общепринятой тогой, подобное положение и не тяжело, но мы понимаем всю горечь и безвыходность положения бедного студента, принужденного теперь подобными

обстоятельствами сидеть в душевной комнате, за неимением другого, кроме форменного платья, доколе пожар в самой его квартире не заставит искать на улице спасения.

Людям, которым приходит в голову сваливать страшную беду на молодое поколение, не мешало бы помнить, что всякое подозрение должно прежде всего быть основано на фактах, что чем страшней подозрение — тем оно должно быть основательней, потому что в противном случае делается страшная, незаслуженная обида; что нужно исследовать дело прежде, нежели указывать его виновников явно ли, словами прямо, или самым молчанием на вопрошающее обвинение. Не к простому народу, не к людям, умеющим только повторять чужие слова, относится наше обвинение, наш протест. Он касается всех тех, кто или сознательно распространяет подобного рода догадки в народе, или намерены молчать ввиду грозных толков. Они должны помнить, что в каждом молодом студенте останется навсегда горькое воспоминание о когда-то возведенной жестокой клевете на всю корпорацию, к которой он принадлежал.

Делать разглашение под рукой, втихомолку, вещь вообще очень легкая. Голословно обвинять молодое поколение в самых удивительных происшествиях не трудно, особенно когда оно не может отвечать на обвинение от своего имени. Наконец, положим, что оно даже солидарно с некоторыми удивительными вещами. В таком случае потрудитесь прежде всего различить: большинство или меньшинство на стороне этих удивительных вещей. Не есть ли искомая величина самая малая часть огромного целого; не есть ли это один прыщ, за существование которого ни в каком случае не должно подозреваться здоровье целого тела, да и эта уродливая форма проявления жизни — ведь и прыщ тоже доказывает присутствие в теле жизни, а не смерти — не потому ли и уродлива, что нет у него настоящего дела? Так это прежде всего. Потом, уже если окажется виновность всего молодого поколения, давайте и осудим его хором и посоветуем ему действительно учиться и учиться. Если оно виновато в страшных вещах, нечего скрывать в застенках факты, доказывающие его вину; сюда давайте их скорей. В противном случае как же не допускать во всенародном опубликовании фактов публичного оправдания целой корпорации от незаслуженных обвинений?

Нам кажется, что здесь-то, в этом деле преимущественно должна быть допущена самая широкая гласность. Ведь гласно же, по уверению «Северной пчелы», произносятся на улицах обвинения студентов в поджогах. Так гласно же и опровергните их и не чрез газеты только, которых народ не читает. Пусть народ не говорит после, когда действительно обыкновенными теперешними средствами докажется невинность студентов в этом страшном деле, что бары скрыли своих виновных барчонков.

Знаете ли вы, какое страшное [уголовное] преступление восстанавливать враждебно одну часть общества против другой? Тем страшнее это [уголовное] преступление, когда одна часть общества — простонародье, т. е. то сословие, которое при всех превосходных и правдивых качествах своих, содержится постоянно в темноте и невежестве; когда, напротив, другая часть — крошечное меньшинство сравнительно со всей массой народа, меньшинство, постоянно и с давних пор унижаемое и оскорбляемое, а теперь оскорбляемое чуть не всяким. Статья «Северной пчелы» тому доказательством. В ней есть намек, в ней есть сомнения (хотя и не прямые обвинения), но такой намек в такое время все равно что поджог. И это без суда, без следствия. В народ подозрение перешло от самого общества, скажете вы. Следовательно, мы не виноваты в этих слухах? Разумеется, нет и общество не виновато, но виноваты те, которые поддерживают и утверждают в обществе такие слухи, — слухи, обвиняющие всю корпорацию студентов безразлично. Вот это — преступники, уголовные преступники против

общества. В обществе такие убеждения не могли укорениться иначе как во время панического страха. Но преступник тот, который, судя хладнокровно и владея своими способностями, поддакивает в такие минуты обществу, не имея ни одного ясного доказательства своих подозрений. В обыкновенное, хладнокровное время, пожалуй, хоть излагайте и подозрения свои, но в горячее, паническое время давайте доказательств. А какие у вас доказательства?

Три золотушных школьника, из которых старшему уже наверно не более тринадцати лет, напечатали и разбросали глупейший листок, не справившись даже хорошо с иностранными книжками, откуда они все выкрали и бездарно перековеркали. Залп хохоту должен был встретить глупый листок. Читая его, всякий сказал сам себе: «в семье не без урода». Но несколько хилых старцев в подагре и хирагре с старобабьим умом, переменявшие по прочтении глупого листка свое белье и даже тут не догадавшиеся о настоящем употреблении этого листка, — эти старцы почувствовали страшный, паралитический страх. Все это принялось с кашлем и удущьем проповедовать гибель. Проповедь нашла сильную поддержку, и только при этой поддержке успели заразить общество подозрениями. Но мысль, что три золотушных ребенка могли пуститься на такое дело... ну пусть, пусть эти три золотушных преступника (чему мы положительно не хотим верить, да и нет ни малейших доказательств) — студенты. Напротив, каким образом обвинение трех золотушных передано на всех студентов? Кто смел это сделать? Чьими подземными, чьими хилыми, старобабьими стараниями укрепиться могло это мнение? Как не подумали переменяющие середи дня белье, что это значит натравливать всю массу народа на бедных, и без того уже тысячу раз оклеветанных и опозоренных? И неужели не поймет общество, не поймут неловкие (или уж слишком ловкие) публицисты, что это значит опозорить имя студента в темной массе народа на пятьдесят лет вперед, имя университета, профессоров, науки, грамоте, смыслу. Верить не хотим, чтобы это делалось умышленно; необразованность, страх, неясное понимание вещей — вот причины затмения умов в обществе. Возвращающиеся во времена графини Хлестовой должны опомниться. Ей теперь девяносто лет. За ней идти стыдно. Перемените же свое белье в последний раз и укрепитесь, ободритесь, не смущайте народ: весь город ведь в волнении. Умы возбуждены в страшной степени. Более трехсот тысяч человек думают об одном и том же, сосредоточены на одной и той же мысли. Уж очень недалеко до всеобщего панического страха.

И потому нужно позаботиться, чтоб общество как можно поскорей успокоилось относительно причин происхождения поджогов. Кто бы там ни был поджигатель, но он должен быть открыт и в самом скором времени. Если это дело вывести из стен на публичную арену, сделать его публичным, а не просто канцелярским, то, нет сомнения, общество само же поможет к скорому его исследованию. Можно бы для такого дела сделать и *исключение* из общего правила. При публичном производстве встретится множество случаев, которые без сомнения облегчат его. Тогда, пожалуй, явятся такие новые факты, каких никогда не добилась бы какая-нибудь канцелярия, — такие помощники в общем деле, которые никогда не раскрыли бы рта, чтоб дать материал для новых канцелярских тайн. А то хватают множество личностей, но судьба их известна народу и обществу только до того времени, покуда их отводят в часть; далее все остается покрытым мраком неизвестности.

Но вы скажете, ничего до сих пор не открыто, ни на какие следы еще суд не напал. Хорошо-с. Но ведь слышно же повседневное обвинение, что в этом деле заподозревается целая корпорация? Отчего же не говорится, насколько есть основательности в этих толках, почему не опровергаются

они? Почему не принимается во внимание то обстоятельство, что подобное молчание может быть принято народом за знак *внешнего* согласия с его предположением, что в окончательных своих результатах молчание может кончиться очень дурно для многих.

Опять повторим, что успокоить народонаселение может только главное и скорое исследование дела о теперешних поджогах.

Но с пожарами мы все еще не кончили. На первых майских пожарах, да и вообще на русских пожарах и простой народ и, так сказать, *чистая* публика большею частью оставались праздною, хладнокровною зрительницею бедствий ближнего. Простой народ большею частью старается спрятаться во время пожаров. Что это действительное хладнокровие к судьбе другого? Нам думается, что тут другие действуют пружины. В деревнях, сколько нам ни приходилось быть свидетелями пожаров, старый и малый помогают тушить пожары. Там нет, положительно нет праздных зрителей как скоро загорелся дом мужика. Зато лишь только приезжает на пожар становой, вообще человек образованный и *со властью* — сцена перемениется. Мужик уж *боится* помогать ближнему, потому, дескать, тут вблизи начальство, можно попасться в беду, а после откупайся. Оказывается усердия меньше; разве уж зуботычина какая заставит мужика идти заливать пожар. Отчего это? Не оттого ли, что наш народ отучивается от собственной инициативы там, где он должен действовать в глазах начальства, или оттого, что зуботычины простому мужику при пожарах составляют уж необходимый ингредиент их? Мы очень рады, что правительство пришло, наконец, к мысли отдать защиту от пожаров в собственные руки граждан, вообще местных жителей. Надобно по возможности уменьшать опеку над народом, а то он может дойти до такого состояния, что не подвинет рукой, когда загорится его собственный тулуп и не посмеет тушить его в виду начальства, если только оно не заставит его спасти самого себя от пожара. Та же дело велось и у нас в столице. Без сомнения, сгорело бы меньше домов и улиц, если народ зуботычинами и другими опекунскими мерами не отучался от собственной инициативы в общественном деле. На петербургских пожарах этот факт был особенно очевиден. Впрочем, об этом когда-нибудь можно поговорить обстоятельно.

О скорой и немедленной помощи пострадавшим мы распространяться не станем, потому что в то самое время, когда будет читаться эта заметка, иной бедный, пожалуй, три раза успеет умереть с голоду. О помощи таким людям не нужно разглагольствовать, а *ее* надобно прямо, без отлагательства делать. Хорошо бы, если б устроился комитет для пособия несчастным, как это уже предлагал г. Серно-Соловьевич. Теперь мы увидим, насколько слово и дело не отделено у нас, у русских, и насколько мы правы бываем, когда хвалимся на словах своим благоутробием, иногда именуемым гуманностью. Такого рода вещи читатели узнают, а, может быть, уже и знают из наших ежедневных газет.

Но главную помощь общество ждет [от] и имеет право ждать от нашего государственного банка. В нем теперь заключается вся будущность торговой России. Много мер предстоит ему принять и принять немедленно, чтоб немедленно успокоить весь торговый класс Петербурга. Но первую его мерю должна быть отсрочка [по], и если можно на год, всех платежей по имеющимся у него векселям, и не для одних только погоревших, а для всего петербургского купечества, потому что все они пострадали от пожара. Банк ничего не теряет, а, напротив, выигрывает, потому что спасет большинство от неминуемого банкротства *.

* *Весь абзац от слов* по главную помощь до неминуемого банкротства *вписан от руки.*

Кстати. Не можем здесь не упомянуть об одном факте, действительно стоящем некоторого внимания. В то время как каждая ежедневная газета по мере сил своих спешила сказать свое слово о замечательном событии 28 мая, одни только академические «СПб. ведомости» с действительно академическим спокойствием заметили в №, вышедшем 30 уже мая (следовательно, два дня почти спустя после пожара 28 числа), что *был пожар в Петербурге 21 мая, и что 23 мая — был одним из самых тяжелых дней для Петербурга*. Какая цель подобной невнимательности к событиям дня? Уж не творили ли в этом случае своего рода литературный поджог «СПб. ведомости» в пользу чего-нибудь другого?

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 69.

Отчеркнуты карандашом на полях, очевидно царем, следующие строки:

«Пожары возобновляются с какою-то настойчивостью, и нет причин полагать, чтоб они перестали возобновляться на будущее время».

«Догадок в народе ходит довольно. Одна из таких, не скажем довольно распространенная, но достоверно существующая, касается нашего молодого поколения, наших бедных студентов».

«Мы даже полагаем, что в народе они появились не сами собою, до них дошел не сам народ, а очень может быть, они перешли в него извне».

«...в студентах, некогда ратовавших против личной свободы, данной крестьянам 19 февраля, а теперь выжигающих народ, он видит самых злейших своих и общих врагов».

«...посоветуем ему действительно учиться и учиться. Если оно виновато в страшных вещах, нечего скрывать в застенках факты, доказывающие его вину; сюда давай-те их скорей».

Слово «застенках» еще и подчеркнуто.

Два отрывка «Недавно вышла возмутительная прокламация солидарность студентов с подобными явлениями» и «Три золотушных школьника до всеобщего панического страха», бывшие в журнале следственной комиссии и по поводу которых вызывался М. М. Достоевский, отчеркнуты красным карандашом.

〈СТАТЬЯ ВТОРАЯ〉

Мы прочли передовую статью в № 143 «Северной пчелы»* по поводу пожаров в С.-Петербурге, прочли и ужаснулись, до чего может дойти отсутствие всякого такта в обсуждении самых серьезных вопросов. — Петербург горит ежедневно и горит страшно — в этом нет сомнения. Петербург поджигают — об этом все говорят, но никто ничего положительно не знает. Полицією, говорят, захвачено множество людей, но полиция молчит и захвачен ли кто и кто захвачен, мы ничего не знаем. Все, следовательно, верится на одних толках. Мы знаем по предшествовавшим, подобным настоящему, случаям насколько здесь можно полагаться на голос народа. Вспомним только об отравках во время первой холеры, когда народ обвинял в этом поляков, все знают насколько это было верно. Не только потворство подобным толкам, но и такой двусмысленный отзыв об этих слухах, какой помещен в передовой статье «Северной пчелы», есть признак совершенной неспособности к пониманию и объяснению совершающихся фактов. Подобный отзыв может дать повод некоторым думать, что в этих толках есть доля правды. Серьезная политическая газета говорит о слухах с сомнением — чуть не в пользу их; многие скажут — стало быть есть основание к таким толкам. Такого вывода довольно, чтобы усилить народное волнение, и кто тогда виноват будет: прокламации, которых народ вовсе не читал и которые ему совершенно чужды, или серьезная политическая газета, которую читают во всех харчевнях? Что касается до нас, то мы никак допустить не можем, что какая бы то ни была полити-

* В верхней части гранки карандашная помета царя: Кем написана? [«Сообщить К. Долгорукову»]. На полях помета чернилами: Запрещено 3 июня.

ческая партия, которая не может же состоять иначе, все-таки, как из мало-мальски образованных людей, способна была прибегать к таким безумным, ужасающим своим зверством средствам, как поджог. Мы прямо и положительно отрицаем возможность подобной солидарности двух явлений, не имеющих, по нашим мнениям, ничего общего.

Подобные толки поддерживаются и без того слишком долго, в чем, как мы сами имели случай убедиться, несколько виноваты и низшие полицейские агенты, которые, разумеется, по собственному невежеству вместе с народом повторяют те же нелепые слухи. Не опровергать подобных слухов, значит поддерживать в народе то брожение, в произведении которого «Северная пчела» как повторением нелепого слуха, так и самим сомнением своим в этом случае обвиняет людей, рассылающих прокламации. Во имя народного спокойствия, во имя спокойствия всех образованных граждан столицы мы просим гласного, строгого и самого быстрого суда над теми, кто арестован по подозрению в поджоге. Имена и звание лиц должны быть обнародованы. На полиции лежит обязанность как можно скорее успокоить столицу. Повторяем: мы требуем суда гласного и строгого, пусть объявят, наконец, город на военном положении, если ему угрожает опасность и если (что мы положительно отвергаем) эти пожары имеют что-нибудь общее с политическим движением. Пусть судятся обвиняемые в поджоге военным судом, но гласно! Приняв только такие энергические меры, можно отвечать за народное спокойствие, иначе мы рискуем при содействии газетных статей, подобных статье «Северной пчелы», что ни одному образованному молодому человеку не будет места в Петербурге. Может быть, мы и ошибаемся, но до тех пор пока не будет открыто и официальным путем обнародовано звание поджигателей, если они есть, мы остаемся при своем убеждении и приглашаем всех здравомыслящих людей присоединиться к нам и стараться успокоить напуганный народ. Мы положительно протестуем противу невежественных обвинений, ни на чем не основанных. Пусть докажут нам фактами, что мы ошибаемся.